

Доктор

Михаил Серегин

Палач в белом

«Научная книга»

2009

Серегин М. Г.

Палач в белом / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2009 — (Доктор)

Не самое приятное ощущение – обнаружить себя в тесной металлической ячейке старого заброшенного морга. Именно это и произошло с врачом Владимиром Ладыгиным. А все из-за того, что слишком интересовался частной практикой коллег. Казалось ему, видите ли, что они «помогают» пациентам побыстрее покинуть этот мир. Вот и попал сам в разряд «пациентов». Ничего, пусть Ладыгин и в морге, но время работает на него, скоро мертвые встанут из гробов и разоблачат «убийц в белых халатах». Вот только как сам горе-сыщик выберется из своего железного ящика?

Михаил Серегин

Палач в белом

Это началось две недели назад, когда он дежурил на «Скорой». Вечером его вызвали в высотку на Котельнической набережной к больному со смешной фамилией Зелепукин.

Состояние больного не могло вызвать даже и тени улыбки – он страдал раком печени и медленно умирал, по-видимому, слишком медленно, потому что после того, как врач ввел ему обезболивающее и, следуя неукоснительной привычке, отправился в ванную вымыть руки, и состоялся тот шокирующий разговор.

Хмурясь и глядя в одну точку, он намыливал руки, стараясь не забрызгать рукав белого халата. По легким шагам, раздавшимся за спиной, врач понял, что в ванную вошла хозяйка. Ему неприятна была такая не деликатность, но он ничем не выказал своего недовольства и с превеликой тщательностью стал смывать мыло с ладоней.

– Возьмите вот это полотенце, – сказала хозяйка. – Оно чистое.

Он сухо поблагодарил и принял из рук хозяйки полотенце, избегая смотреть ей в глаза. Женщина внимательно разглядывала его, не испытывая, кажется, ни капли стеснения при этом. Он был готов отреагировать на это беззастенчивое разглядывание раздраженной тирадой, но что-то удерживало. И он только пристально посмотрел на женщину. Впервые.

У нее были правильные, может быть, даже идеальные черты лица, сильно подпорченные временем и привычно жестким выражением. Дорогой домашний халат с тисненым рисунком на лиловой ткани подчеркивал, даже выпячивал, ее безвозвратно потерянную красоту – желтушность кожи, морщины на шее, поблекшие сухие волосы. Однако самоуверенности и власти ей было не занимать.

– Я хочу поговорить с вами о муже, – произнесла она категорическим тоном. – Федор Никодимович безнадежен. Он страдает. Страдаю я сама. Медицина не может помочь. Вы это отлично понимаете. Так вот ответьте – стоит ли продолжать его страдания?

* * *

Как ни странно, врач понял ее с полуслова. Однако, как оказалось, понял он не все. Возвращая использованное полотенце, он совершенно равнодушно осведомился:

– Но чего же вы от меня хотите? Эти вопросы решает господь бог – на небесах... а не мы с вами.

– Но вы же умный человек! – негодующим шепотом произнесла хозяйка. – Богу нет до нас никакого дела. Мы сами вершим свою судьбу!

– Не предлагаете же вы мне вершить судьбу вашего мужа? – недовольно сказал он, начавший уже тяготиться этим нелепым препирательством.

– Именно предлагаю! – отрезала женщина. – Не даром, конечно. Я заплачу вам. Очень хорошо заплачу...

– Ну-у, уж это вы... – неуверенно пробормотал он, инстинктивно оглядываясь. – Эвон куда вы махнули! Это не предмет для обсуждения, понимаете?

Их глаза встретились. Взгляд женщины был пуст и спокоен. Он почувствовал, что их обоих связывает что-то общее, чему трудно подобрать название, – что-то безысходно страшное и неодолимое.

– Я не собираюсь ничего обсуждать, – заявила женщина. – Обдумайте мое предложение. Только не тяните с этим слишком долго – можете опоздать. Здесь нет никакого риска. Не будет ни претензий родственников, ни вскрытия, разумеется.

Она протянула ему какую-то бумажку.

– Что это? – спросил он, нервничая.

– Это мой телефон. Звоните в любое время.

Поколебавшись, он взял записку. По губам женщины пробежала легкая усмешка.

– Только не затягивайте, – еще раз предупредила она. – Не все такие мямли, как вы. Можете опоздать. И будете кусать свои протертые локти.

Он был готов сквозь землю провалиться. Он не понимал, зачем взял номер телефона, зачем не выбросил бумажку сразу, выйдя на улицу. Он понял только теперь, жарким июньским утром, что уже тогда принял решение и просто боялся признаться в этом самому себе. Две недели ушло только на то, чтобы победить этот страх. Осознав это, он снова испугался. Теперь врач боялся одного – что опоздал. Заказ давно передали другому, а он опять остался с носом. Доктор порывисто сел на постели и озабоченно огляделся. Убогая обстановка его жилища вызывала в нем что-то вроде зубной боли. Но смотрел он не на опостылевшую мебель, а машинально искал глазами пиджак, в котором был на том вызове. Пиджак висел на плечиках в платяном шкафу.

Он встал и подошел к шкафу. В комнате было уже совсем светло. Небо за окном приобрело лимонно-желтый оттенок с розоватыми пятнами на месте облаков. Вот-вот должно было встать солнце.

Ему пришлось порыться в карманах пиджака, что-бы достать клочок бумаги. Кроме телефона, на нем было написано два слова: «Лидия Сергеевна».

Ага, значит, эту мадам зовут Лидией Сергеевной – в момент посещения он как-то проигнорировал этот вопрос. Женщина позаботилась и об этом – без имени-отчества разговор по телефону выглядел бы неловким.

Сжимая в руке бумажку, он, как был, в трусах и майке, выскочил в коридор, подбежал к телефону, который стоял в коридоре на тумбочке, схватил трубку и опомнился: неприлично звонить в столь ранний час. Но потом он вспомнил слова Лидии Сергеевны: «Звоните в любое время» – и, подгоняемый нетерпением, лихорадочно набрал номер.

Трубку Лидия Сергеевна взяла сразу. Он постарался успокоить дыхание и обычным бесстрастным голосом произнес:

– Доброе утро! Извините, я вас, наверное, разбудил?

– Я уже давно не сплю, – ответила Лидия Сергеевна. Она узнала его сразу. – Как я догадываюсь, вы тоже? Надумали наконец? Не скоро это у вас получилось.

– Дело слишком серьезное, – помолчав, сказал врач.

– Серьезные дела не стоит откладывать, – назидательно сказала женщина. – Но вам повезло. Когда вы можете приступить к работе?

– А когда вы хотели бы?

– Вы можете приехать прямо сейчас, – неумолимо произнесла Лидия Сергеевна. – Федору Никодимовичу сейчас особенно плохо. Он не спал всю ночь. Как и вы...

– Я выхожу через полчаса, – решительно сообщил врач. Ему показалось, что в этот момент он обрушился в ледяную прорубь – таким холодом обдало его с головы до ног.

– Я встречу вас внизу, – деловито сказала Лидия Сергеевна. – Не забудьте захватить с собой белый халат. И позаботьтесь... – Она на секунду запнулась. – Позаботьтесь о лекарствах!

– Разумеется, – буркнул он. – У вас все?

– Да, я вас жду. – Лидия Сергеевна положила трубку.

Он остался один – в ошеломляющей, невыносимой тишине.

Предложение Лидии Сергеевны тогда было до того необычным, что врач в первую минуту сгоряча отказался от него наотрез, а все последующие дни ломал голову, не в силах дать себе внятный ответ – должен ли он согласиться. Сначала он даже делал вид, что начисто об этом предложении забыл, что никакие силы не заставят его нарушить писанные и неписанные законы. Но постепенно понял, что просто обманывает сам себя. На самом деле выгодное предложение

завладело всеми его мыслями без остатка, и в нынешней беспокойной ночи виновата не одна жара – врача опять мучили сомнения. Решение давалось с огромным трудом, и это было вполне естественно. Ему предложили за большие деньги и практически без риска убить человека.

Впрочем, это не могло считаться убийством в полном смысле слова. Он не был душегубом, он боялся милиции и на настоящее преступление никогда бы не решился. Но в данном случае надо было ускорить этот процесс, в каком-то смысле помочь, избавить человека от страданий. Конечно, формально это могло считаться убийством – законы слишком неповоротливы и не успевают за требованиями быстро меняющейся жизни. А главное, никто не будет знать о свершившемся, кроме него и жены умирающего. Именно она обратилась с такой необычной просьбой, и на шутку это никак не походило.

Непрощеная мелкая дрожь снова начинала бить его тело. Он почувствовал, что кожа его сделалась холодной и влажной. Воровато оглянувшись, бросился в туалет и смыл бумажку с номером телефона в унитаз. Наскоро умывшись и вычистив зубы, он оделся и повязал галстук. Завтракать не стал – кусок не лез в горло. Раскрыв черный потертый чемоданчик, он уложил в него белый халат, несколько одноразовых шприцев, а потом, схватившись за голову, упал в кресло и просидел так несколько минут в глубокой и мрачной задумчивости.

Воробьиный свист и хлопанье маленьких крыльев по карнизу вывели его из задумчивости. Он поднялся и подошел к шкафчику, в котором хранились лекарства, выдвинул ящик. Поколебавшись, врач выбрал коробку с ампулами и внимательно пересмотрел их все до единой. Тень сомнения отразилась на его непроницаемом лице. До сих пор ему никогда не доводилось применять лекарства для того, чтобы убить человека, и он не знал, сработают ли они.

На белом прямоугольнике потолка вспыхнули золотые солнечные пятна. Он посмотрел на циферблат будильника и порывисто встал. Коробка с ампулами также перекечевала в чемоданчик. Врач захлопнул крышку, озабоченно порылся в карманах, нащупывая бумажник и мелочь на метро, потом взял «дипломат», строго оглядел комнату и решительным шагом направился к дверям.

Путь, проделанный на метро и затем пешком до высотки, абсолютно стерся у него из памяти. Он находился в каком-то странном состоянии, похожем на опьянение. Мир вокруг словно потерял реальность. Врач ощущал себя кем-то другим, неизвестным и загадочным человеком, блуждающим по бесконечному лабиринту в поисках драгоценной награды, и одновременно словно наблюдал за этим человеком со стороны с болезненным любопытством.

Это помрачение сохранялось до того самого момента, когда врач вступил в вестибюль высотного здания, где его уже давно ожидала Лидия Сергеевна.

– Наконец-то вы явились, – констатировала она с неудовольствием.

– Я нигде не задерживался, – холодно ответил ей мужчина, внезапно обретая трезвый взгляд на вещи.

– Это не имеет значения, – отмахнулась Лидия Сергеевна. – Я просто волнуюсь.

Они вошли в лифт. Врач с удивлением отметил, что теперь он абсолютно спокоен и собран. Предстоящее испытание казалось задачей хотя и сложной, но вполне разрешенной.

– У вас, кажется, есть домработница? – спросил он Лидию Сергеевну.

– Сегодня у нее выходной, – ответила женщина.

Внезапно он осознал, что за все время между ними ни разу не обсуждалась сумма гонорара. Это привело его в некоторое волнение. При определенных обстоятельствах вся эта история несомненно теряла смысл. Он уже знал, какой вопрос он задаст первым.

И задал его, едва за спиной захлопнулась высокая дверь квартиры.

– Мы не оговорили сумму, – словно продолжая прерванный разговор, сказал он. – Сколько вы намерены мне заплатить?

Лидия Сергеевна, не отвечая, уверенными шагами направилась в комнаты. Сбитый с толку мужчина едва поспевал за нею. Остановившись возле пузатого старомодного секретера,

отливавшего теплым полированным блеском, Лидия Сергеевна открыла дверцу и неуловимым движением извлекла откуда-то пачку стодолларовых банкнот, перехваченную резинкой.

– Здесь пять тысяч, – значительно произнесла она, протягивая деньги.

Тут же нахлынуло внезапное разочарование. Ему никогда не приходилось держать в руках такую сумму, но в неясных мечтах ему рисовалось нечто большее. Его колебание не ускользнуло от внимания Лидии Сергеевны.

– Вам мало? – с удивлением спросила она.

– Мало.

– Вот еще новости, – раздраженно сказала Лидия Сергеевна. – Кем вы себя вообразили – киллером? Вас просят убрать президента?

Он пропустил насмешку мимо ушей.

– Я возьму десять тысяч, – непреклонно заявил он. Лидия Сергеевна растерялась – впервые за все время.

– Вы чересчур нахальны, – с неудовольствием сказала она. – Боюсь, у нас с вами ничего не получится.

Он во второй раз за утро испытал ощущение ледяной проруби. Но на изъеденном лице его не дрогнул ни один мускул.

– Чего же тут бояться, – сказал доктор хладнокровно. – Не получится, значит, не получится. Всего хорошего! – Он повернулся и решительно направился к выходу.

– Постойте! – с досадой окликнула его хозяйка. – Черт с вами! Я не могу больше ждать.

– Вы согласны уплатить десять тысяч? – уточнил он, оборачиваясь.

– Согласна-согласна! Неужели я неясно выражаюсь?

Он медленно подошел к ней.

– Деньги позвольте вперед! – негромко сказал он.

Лидия Сергеевна беспрекословно выдала ему требуемое. Тот отложил в сторону чемоданчик и, взяв в руки деньги, с превеликой дотошностью пересмотрел банкноты – все до единой. Результатами осмотра он остался доволен и не спеша рассовал деньги по карманам.

– Вы закончили? – язвительно спросила Лидия Сергеевна. – Меня едва не стошнило, глядя на вас.

– Когда рискуешь, – объяснил он, – нужно по крайней мере знать, за что рискуешь!

– Мне нравится ваш подход к делу, – иронически сообщила Лидия Сергеевна. – Надеюсь, вы и дальше будете так же обстоятельны? Что вы предполагаете применить?

Врач задумчиво посмотрел на нее, не сразу решившись ответить.

– Я думаю использовать конваллятоксин внутривенно, – признался наконец он. – В повышенной дозе и при быстром введении он должен вызвать остановку сердца.

– Что значит – должен? – подняла брови Лидия Сергеевна. – Вы что, не уверены?

– Он ее вызовет.

Раскрыв чемоданчик, он неторопливо облачился в белый халат и рассовал по карманам шприцы и ампулы.

– Где больной? – спросил он наконец. – Я запомнил, где тут у вас спальня.

Лидия Сергеевна молча взглянула на него и пошла к двери. Так же молча они дошли до спальни, и она легкими движениями подтолкнула его в спину. Врач вошел в комнату, привычно хмуря брови, и поздоровался. Больной лежал на кровати, гневно разглядывал врача, силясь что-то сказать. Доктор наклонился поближе.

– Какого черта! – грубо пробормотал старик. – Ваша служба стала работать безобразно! Вас не дожدهшь! В мое время за такую работу людей расстреливали... Понимаете вы это? – Губы его кривились от досады и боли. Высохшая желтая кожа туго обтягивала череп.

«Ваше время прошло, – подумал он, – вам уже никогда не доведется расстреливать, вам теперь самим бы выжить...» Но вслух только сказал:

– Мы выехали сразу же, как получили вызов. Без задержек. Просто вас беспокоят боли, и оттого кажется, что долго...

– Не морочьте мне голову! – задохнулся старик. – Передо мной на стене часы! Больше всего я ненавижу эту трусливую ложь! Вы не находите в себе смелости даже признать вину, мерзавец!

– Не надо так волноваться! – миролюбиво сказал врач. – Сейчас я сделаю вам укол, все придет в норму... Расслабьтесь!

Не обращая внимания на ворчание старика, он обнажил его высохшую руку и перетянул плечо жгутом. Затем сноровисто начал наполнять шприц лекарством, надламывая одну ампулу за другой.

– Чего это вы там собираетесь мне вводить? – подозрительно прохрипел больной, водя по сторонам воспаленными глазами.

– Как обычно, морфин, – спокойно ответил он, поднимая шприц, и выпустил из иглы тонкую струйку жидкости. – Немного увеличим дозу... Ведь, кажется, двойная доза вам уже не очень помогает?

– Ни хрена не помогает! – подтвердил старик, напряженно следя за тем, как тот ощупывает бугристую фиолетовую вену на его локтевом сгибе. – Да еще моя стерва намеренно забывает приобрести лекарство! Она хочет, чтобы я мучился! Но ей эта политика еще выйдет боком! Дайте мне только встать...

Мужчина в белом халате проколол иглой стенку вены и потянул поршень – густая черная кровь с усилием вползла в шприц. Он распустил жгут и, закусив губу, решительно надавил на поршень.

– Только вы, врачи, не лечите меня ни хрена... – опять заговорил старик и вдруг оборвал речь.

Врач быстро взглянул на пациента и выдернул иглу из вены. Шприц был пуст. Рот старика открылся, словно он собирался закричать, но наружу вырвался лишь слабый шелест выдыхаемого воздуха. Желтое лицо вдруг страшно побелело – исчезли даже закатившиеся зрачки, и на этом побледневшем лице ясно выделились внезапно посиневшие губы. Больной больше не шелохнулся, и по-прежнему раскрытым оставался безмолвный шербатый рот.

* * *

– Федор Никодимович! – испуганно позвал он, пытаясь проглотить вставший в горле комок.

Ответом ему было молчание. Внезапно и остро он ощутил скверный запах, висевший в комнате, – запах немытой кожи, испражнений и пота. Его затошнило, захотелось на воздух.

– Федор Никодимович! – уже смелее произнес он и нащупал пальцами сонную артерию старика.

Зелепукин был мертв. Врач вдруг понял, что весь вспотел. Достав из кармана носовой платок, он тщательно вытер лицо и шею. Потом так же тщательно и аккуратно собрал шприцы, пустые ампулы и спрятал по карманам. Перед уходом еще раз посмотрел на старика, но сомнений никаких уже не испытывал. Он справился с этой работой. И пусть он еще не разбогател, но первый шаг к богатству, несомненно, сделан.

Лидия Сергеевна встретила его мрачным, испытующим взглядом. Доктор подошел к столу, где лежал его чемоданчик, и, не торопясь, сложил туда содержимое своих карманов.

– И долго вы собираетесь молчать? – враждебно спросила Лидия Сергеевна.

– Что? Да-да, – спохватился он. – Простите, я немного задумался. Ну что ж, конвалентоксин, как я и полагал, оказал свое действие. Мне здесь больше нечего делать. Прощайте!

Он направился в прихожую.

– Доктор! – окликнула его Лидия Сергеевна. – Снимите же с себя этот халат! Или вы собираетесь в таком виде идти до самого дома? Будьте внимательнее, доктор!

* * *

Итак, я – Ладыгин Владимир Сергеевич, работаю теперь в терапевтическом отделении под руководством милейшего Игоря Станиславовича Макарова. Откровенно говоря, до последней минуты мне в это не верится. Все, что произошло за последние недели в нашей больнице – при моем непосредственном участии, заметьте, – должно было привести к неминуемому увольнению. Нравы нашего учреждения очень строгие. Даже появление на рабочем месте без галстука уже производит небольшой переполох. Что же говорить о том вопиющем случае, когда наша больница стала ареной криминальных разборок!

Разумеется, затеял их не я, но в силу обстоятельств и некоторой склонности к авантюрам так активно вмешивался в события, что руководство именно меня рассматривало в качестве основного источника неприятностей. Особенно преуспел в этом мой непосредственный начальник, заведующий реанимационным отделением Степан Степанович Ланской. Еще не успели остыть тела погибших, как на стол заместителя главного врача легла его докладная о моем недопустимом поведении. Заместитель главврача Штейнберг Борис Иосифович сам был зол на меня, и от немедленной расправы меня спас только больничный лист.

– Бросай свою реанимацию! – заявил мне Макаров, едва я снова появился на работе. – Пиши немедленно заявление о переводе, а я замолвлю за тебя словечко...

Это меня несколько приободрило – к словам Макарова прислушивались. Да и к самой возможности перейти в терапию я отнесся с любопытством – напряженная атмосфера реанимации начинала меня утомлять. Я не стал долго размышлять и написал заявление – склонность к импульсивным поступкам свойственна мне с детства. Макаров забрал заявление, многообещающе подмигнул и до поры до времени исчез. Зато появился Ланской и многозначительно сообщил, что меня просят пройти на ковер. Я послушно пошел за ним, разглядывая его коротко стриженный, жилистый и загорелый затылок, темнеющий, словно кирпич, между белоснежной шапочкой и халатом. При этом я меланхолически вспоминал, как сложно было устроиться на эту престижную работу и сколько хороших людей замолвили за меня словечко.

Получалось, что я подвел всех. Теперь свой голос за меня собирался подать Макаров, и в этом был для него определенный риск. Правда, в дальнейшем я не рассчитывал привлекать внимание к своей персоне. В конце концов, криминальные ситуации нехарактерны для такого учреждения, как наша привилегированная больница, и теория вероятностей подсказывала, что вряд ли мне доведется в скором времени опять столкнуться с чем-то подобным. Таким образом, я с чистой совестью мог гарантировать свое примерное поведение в будущем. С этими мыслями я и вступил в кабинет Бориса Иосифовича Штейнберга.

Он сидел за массивным двухтумбовым столом, положив тяжелый подбородок на сжатые кулаки, и смотрел на меня немигающим орлиным взглядом. Завидная густая шевелюра отличала серебристой сединой. Борис Иосифович был величав, осанист, имел рыкающий голос и отвечал всем представлениям о суровом, но справедливом начальнике. С ним боязно было даже встречаться, а не то что получать от него нагоняй.

По другую сторону стола с завидным спокойствием и непринужденностью восседал Макаров. Его холеное, с крупными чертами лицо выражало сочувствие и доброжелательность. Небрежно закинув ногу на ногу, он поощряюще поглядывал на меня и улыбался. Мы поздоровались и подошли поближе. Ланской кашлянул и сообщил:

– Вот, привел, Борис Иосифович! – При этих словах он обеспокоенно обернулся, словно подпуская возможность, что я по пути потерялся.

– Та-а-ак! – густо сказал Штейнберг. – Ну что же, присаживайтесь, не стойте столбом.

Мы опустились на стулья, не сводя с начальства преданных глаз. Борис Иосифович уничтожающе посмотрел на меня и, опустив голову, задумчиво перелистал бумаги, лежавшие перед ним на столе.

– Знаете, зачем я вас вызвал, Ладыгин? – громко спросил он вдруг.

– В общих чертах, Борис Иосифович! – быстро ответил я.

Штейнберг пристально посмотрел на меня.

– Все у вас в общих чертах! – угрожающе сказал он, выделив из стопки бумаг один лист и внимательно вчитываясь в него. – Просите о переводе в терапевтическое отделение?

Я взглянул на Макарова и кивнул. Борис Иосифович внимательно посмотрел на меня, потом на Ланского.

– Отпускаешь кадры, Степан Степанович? – спросил он. – Или есть возражения?

Ланской был растерян.

– То есть, Борис Иосифович... – замялся он. – Я полагал... докладная... Поведение Ладыгина...

Он замолчал, недоуменно оглядываясь на меня.

– Э-э! Ладыгин в данном случае сотрудничал с органами, Степан Степанович! – пробурчал Штейнберг. – Мне оттуда сигнализировали. Возможно, проявляя при этом не всегда уместную инициативу... Но... В общем, этот вопрос закрыт!

Видно было, что подобное решение не слишком нравится ему самому, но идти против органов он не смел. Ланской сориентировался мгновенно. Намечающийся вариант вполне его устраивал.

– В таком случае у меня также вопросов нет! – бодро произнес он. – Против перевода Ладыгина не возражаю.

– Ну так и напиши тогда – не возражаю! – ткнул пальцем в бумагу Борис Иосифович. Ланской быстро поднялся, щелкнул авторучкой и поставил визу на моем заявлении.

– Все свободны! – объявил Штейнберг и вдруг поманил меня широкой ладонью. Я поднялся со стула и подошел вплотную к начальственному столу. Борис Иосифович откинулся на спинку кресла и несколько секунд презрительно рассматривал меня.

– Ты, Ладыгин, кто – врач? – спросил он наконец с недоверием.

– Имею диплом, – заверил я. – В отделе кадров все зафиксировано.

– Вот именно, врач! – заключил Штейнберг с каким-то странным сожалением. – В отделе кадров ты значишься врачом, правда? Зачем же ты строишь из себя детектива?

– Сотрудничал с органами, Борис Иосифович! – покаянно сказал я.

Он с досадой махнул рукой:

– Брось! Знаю я, как ты сотрудничал! Прежде наломал дров по собственному почину... Послушай, что я тебе скажу... Ты еще молод и многого не понимаешь... Никогда не лезь не в свои дела, понял? Они могут оказаться настолько серьезными, что тебе просто оторвут башку! Это я тебе по-отечески говорю, не обижайся! И ведь не тебе одному оторвут – люди вокруг страдают, ну?

– Борис Иосифович! Я все понял! – искренне сказал я. – Больше ничего подобного не повторится!

– Ладно, верю... Иди работай! – милостиво сказал Штейнберг, но вдруг снова остановил меня. – Спортсмен? – спросил он одобрительно. – Каким видом занимаешься?

– Скорее бывший, – виновато ответил я. – Бокс, подводное плавание...

– По фигуре видно, – проворчал Борис Иосифович. – А что бывший, это нехорошо. Бросать не следует – форму держать нужно. Энергию дурную сбрасывать... Сейчас столько клубов существует спортивных... В вашем случае я просто настаиваю – займитесь!

– Непременно, Борис Иосифович! – пообещал я с горячностью.

Таким образом, в состоянии эйфории и радужных надежд я переместился в отделение терапии, собираясь сосредоточиться отныне на работе и только на работе. Бесконечные конфликты с Ланским уходили в прошлое. Макаров обещал мне лучезарные перспективы и обширные связи в самых широких кругах.

Однако ожидания не оправдались – ни мои, ни Макарова. Оправдалась пословица, утверждающая, что свинья грязь всегда найдет. Все началось с невинного разговора, случившегося между мной и одним из пациентов терапевтического отделения – полковником МВД в отставке, носящим знаменитую фамилию Чехов. Звали его, правда, Юрием Николаевичем, и на писателя Чехова он был совсем не похож. Он скорее был похож на борца вольного стиля, вышедшего в тираж, – коренастый, плотный, несколько раздавшийся в талии, с мясистым широким лицом, на котором настороженно сверкали прищуренные бесцветные глаза. Страдал он хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта, не в порядке у него было все – печень, желудок, кишечник и поджелудочная железа, – и, возможно, по этой причине на жизнь смотрел весьма мрачно. Хотя, если верить его собственным признаниям, основания для этого имелись достаточные.

Служил он до недавних пор в московском РУОПе и продолжал бы служить, но, как следовало из рассказов Юрия Николаевича, между ним и руководством РУОПа возникли непримиримые противоречия. Получалось, что, вместо того чтобы бороться с нарушителями законности, руководители РУОПа сами этот закон злостно нарушали. Юрий Николаевич намекал на расхищение бюджетных средств, незаконное распределение квартир, контрабанду оружия и выколачивание денег из коммерческих структур. Впрочем, сердитый полковник не опускался до намеков. Едва коснувшись излюбленной темы, Юрий Николаевич приходил в сильнейшее возбуждение, страшно ругался и выкладывал все тайны открытым текстом, упоминая при этом такие известные фамилии и в таком неллицеприятном контексте, что даже мне становилось как-то не по себе.

– Профессионалов в МВД осталось – раз-два и обчелся! – убежденно заявлял Чехов своим сердитым, с командирской хрипотцой голосом. – Они там не нужны. Чтобы там служить сейчас, нужны совсем другие качества, которыми я лично обделен, к сожалению! – с горькой иронией заключил он.

– Неужели все так плохо? – вежливо удивлялся я.

– Молодой человек! – с глубочайшим презрением воскликнул Юрий Николаевич. – Я всю жизнь занимаюсь тем, что ловлю бандитов! Ничего больше я делать не умею. Я думал, что так и умру на посту. Но теперь никто не ловит бандитов – с ними предпочитают дружить. Откройте глаза! Я на таких условиях работать не могу, поэтому я и ушел!

Не знаю, каков был процент правды в его словах, но говорил он убедительно и безапелляционно, словно зачитывал приказ, и очень возмущался, если слушатель выражал хотя бы малейшее недоверие. В то же время к чужому профессионализму он относился достаточно скептически, а рекомендации врачей не ставил ни в грош. Лечебную диету он считал шарлатанством и, несмотря на категорический запрет, не прекращал употреблять в пищу жирное, соленое, копченое и перченое, попадая на больничную койку с обострением не реже чем четыре раза в год. Вдобавок он неумеренно курил и с удовольствием пил водку.

– Водка под соленые грибы – для вас гибель! – убеждал я его.

Юрий Николаевич скептически кривился и, не моргнув глазом, заявлял:

– Вы, врачи, ни хрена не понимаете! Вы бродите в потемках и на ощупь ищете дорогу. Теперь вот нащупали – правильный образ жизни! Чепуха! Присмотрелись бы лучше к феномену Черчилля – мужик всю жизнь прожил неправильно, а чувствовал себя прекрасно и умер в преклонных годах!

– Мы говорим сейчас не о феноменах, – сердито возражал я. – А о конкретном пациенте Чехове Юрии Николаевиче, который немедленно сводит на нет усилия врачей...

– Ловко хотите устроиться! – парировал настырный полковник. – Кабы я не пил, не курил и не ел грибов – нужны бы мне были ваши усилия! Будьте любезны меня вылечить, невзирая на посторонние обстоятельства! Вот тогда я поверю, что имею дело с профессионалами, а не с благостными проповедниками!

Возражений он никаких не принимал, неколебимый в своих заблуждениях, как скала.

– И не уговаривайте меня! – грозно заявлял он. – Меня за всю жизнь никому не удавалось уговорить. Под дулом пистолета!

В общем, пациентом он был сложным и невыгодным. Однако чем-то он притягивал меня – какой-то агрессивной цельностью натуры и независимостью суждений. Причем поговорить он любил – видимо, в иных обстоятельствах это ему нечасто удавалось – и выкладывал все, что приходило в голову, без обиняков.

– Вот лечусь я уже лет десять, – сказал он однажды во время осмотра. – А результатов – ноль. Все только хуже и хуже. Иной раз задумаешься – а на хрена нужна такая жизнь? Ведь мало того, что тебя достают со всех сторон, – еще и внутри горит, словно утюг раскаленный проглотил! Только не начинайте, прошу вас, старую песню про диету!.. Суть не в этом. Вот задумываюсь я, а что будет через пять лет, через десять? Повидал я, что делает с людьми болезнь и старость... Был орел, бабник, гроза преступного мира, а стал? – Чехов с отвращением махнул рукой. – Развалина, труп! Идет на полусогнутых, глаза слезятся, колени дрожат, сердце екает... тьфу! Мое мнение – человека надо, как коня: захромал – пулю в лоб и на кладбище! Не мучь себя и других!

– Это мысль не новая, – заметил я авторитетно. – По-научному называется эвтаназия. Между прочим, в нацистской Германии весьма поощрялась. Сейчас, видите, и у нас всплыла. Наверное, сложное экономическое положение располагает к возникновению бредовых идей...

– Эх, Владимир Сергеевич! – укоризненно сказал Чехов. – При чем тут Германия? Я же не в смысле внедрения... Исключительно индивидуально! Если я полагаю свое существование невыносимым и бессмысленным – для чего же цепляться за жизнь? Имею право на милосердие...

– На милосердие – имеете! – строго сказал я. – А на подобные разговоры – нет! Будь моя воля – я бы за такие провокационные идеи давал лет десять! Вы сболтнете, другой... Третий по телевизору выступит... А в обществе незаметно складывается идиотское мнение, что теперь все дозволено – больных не лечить, слабых в пропасть бросать, стариков уничтожать... Я не голословно говорю – совсем недавно у меня такой случай был. Выезжаю на вызов – я тут ведь еще на «Скорой» подрабатываю, а жена больного намеками, экивоками сообщает мне, что неплохо бы было ее безнадежного муженька спроводить побыстрее в мир иной. Из чистого милосердия, разумеется!.. И за приличный гонорар! То есть понимает все-таки, что случай не из рядовых, выходящий, так сказать, за рамки обычной практики...

В неприветливых глазах Чехова загорелся любопытный огонек. Он сел на постель, не интересуясь, закончил ли я осмотр, и натянул на могучие плечи спортивную майку.

– И что же вы? – с нетерпением спросил он. – Пошли женщине навстречу?

– Как бы не так! – сердито отрезал я. – Мораль, правда, читать не стал, поскольку уверен, что подобным особам мораль неведома, но ответил категорическим отказом.

– Любопытно! – пробормотал Юрий Николаевич. – Тоже своего рода заказное убийство! Полагаю, она посчитала вас эдаким чистоплюем с придурью, верно? Сумма-то хоть называлась приличная?

В голосе его появились невольные профессиональные нотки.

– Сумма как раз не оговаривалась, – с усмешкой ответил я. – Намекалось, однако, что немалая. Видимо, сильно успел надоесть благоверный. Отказ мой действительно был расценен как трусость и наивность. Мне даже было заявлено, что не все, слава богу, такие дураки, как я, и на мне свет клином не сошелся.

– То есть заказ будет передан другому! – заключил Чехов. – И как... не интересовались, чем дело кончилось?

– Нет, конечно, – пожал я плечами. – Не буду же я дежурить у порога... И в суд не потащишь, разговор велся, естественно, без свидетелей. Безнадежный, по-моему, случай!

Юрий Николаевич задумался. На его грубом лице появилось выражение зловещей сосредоточенности – наверное, именно с таким выражением он выходил в былое время на схватку с бандитами.

– Да-а! – протянул он наконец. – Доказать это очень трудно. Но, в сущности, возможно. И не такое доказывали при желании... А скажите – этот больной... без постороннего, так сказать, вмешательства долго бы еще протянул?

– Трудно сказать, – заметил я. – Это зависит от многих факторов. Думаю, полгода вполне еще мог пожить. А может быть, больше... Но жену это никак не устраивает. Видимо, что-то связанное с имуществом, с наследством, может быть... Иначе зачем в ход пошли деньги? Проще было бы подождать. Может быть, он завещание грозился переписать, не знаю...

– Значит, вы не в курсе – жив бедолага или уже... того? – выразительно проговорил Юрий Николаевич.

– К стыду своему, не интересовался! – признался я. – Не видел возможности!

– Ну вот! А еще рассуждаете о гуманности! – победоносно усмехнулся Чехов. – На вашем бы месте я эту стерву так припугнул, что она сама бы в петлю залезла! А то – не интересовался! Правильно она в вас чистоплюйство определила!

Слова Юрия Николаевича меня смутили. Ситуация обернулась ко мне неожиданной стороной, и ясно высветилось, что поведение мое и в самом деле было далеко не безупречным. Наверное, действовать можно было и решительнее, и последовательнее.

– М-да, действительно... – пробормотал я. – Как-то я об этом не подумал... Действительно, следовало быть настойчивее... Сигнализировать в милицию, скажем...

Юрий Николаевич, хитро прищурясь, наблюдал за моим смущением с весьма довольным видом. Когда я окончательно запутался, он сдержанно рассмеялся и покровительственно сказал:

– Вы что всполошились? Приняли мои слова всерьез? Эх, Владимир Сергеевич! Вы на самом деле наивны, как дитя. Да ничего вы не могли сделать! Куда сигнализировать, о чем?! Нет, как говорится, трупа – нет дела! Послали бы вас куда подальше, и все. Да и эта мадам навряд ли вас испугалась бы. Она практически ничем не рискует. Вот если бы удалось зафиксировать факт насильственной смерти... Но кто этим будет заниматься? Бросьте! Просто мне, каюсь, захотелось чуточку вас поддеть. Слишком круто вы за меня взялись. Все в жизни относительно, Владимир Сергеевич! И даже медицина не в силах решить всех вопросов!

– Медицина, конечно, не решит всех вопросов, – сердито сказал я. – Но иногда проще все-таки соблюдать диету, чем проповедовать эвтаназию!

Откровенно говоря, я был сердит не столько на Юрия Николаевича, заблуждавшегося хотя и безбожно, но вполне чистосердечно, сколько на самого себя. Что бы там ни высказывалось Юрием Николаевичем в мое оправдание, а промах я допустил непростительный. Зная о готовящемся убийстве, я даже пальцем не пошевелил, ничего не предпринял, чтобы помешать ему. Никакие обстоятельства и никакие заботы не могли служить мне оправданием.

Эта мысль засела во мне занозой и окончательно лишила покоя. Мое обещание Борису Иосифовичу, что отныне я ни на шаг не буду выходить за пределы своей компетенции, было благополучно забыто. Я решил действовать не откладывая.

На следующий день после разговора с Юрием Николаевичем у меня было ночное дежурство на «Скорой». Ночь выдалась довольно спокойной, и я воспользовался этим, чтобы выяснить некоторые обстоятельства.

Дежурным диспетчером был Хоменко – флегматичный и обстоятельный молодой человек, никогда ничему не удивляющийся и не задающий лишних вопросов. Это было мне на руку.

– Послушай, – сказал я ему. – В мае, не помню, какого числа, у меня был вызов к больному Зелепукину...

– Зелепукин, Зелепукин... – наморщил лоб Хоменко. – Помню такого! Хроник, неправильные вызовы... Живет, кажется, на Котельнической набережной?..

– Он самый! – подтвердил я. – У меня к тебе просьба: пошуруй в компьютере – хочу узнать, ездил ли кто-нибудь к нему после меня?

– Можно! – согласился Хоменко и, небрежно откинувшись на спинку вертящегося кресла, одной рукой принялся перебирать клавиши компьютера.

Я смотрел на него с завистью и восхищением. Сам я вырос в те времена, когда компьютеры встречались только в фантастических фильмах, и отношение у меня к ним сохранилось с тех пор уважительно-недоверчивое, как к чему-то в принципе недоступному и недостижимому. Наверное, прояви я минимальную настойчивость, и мне удалось бы в какой-то степени освоить эту технику, но я инстинктивно удерживал себя от этого шага, словно овладение компьютером могло изменить мою сущность.

Молодые люди вроде Хоменко были полностью свободны от опасений такого рода и управлялись с фантастическими аппаратами с завидной легкостью. Бездны информации открывались им, точно сокровищницы из сказок «Тысяча и одной ночи», а они воспринимали это чудо флегматично и снисходительно, как заметку в стенной газете.

– Есть! – объявил Хоменко, тыча пальцем в экран монитора. – Зелепукин Федор Никодимович, шестидесяти восьми лет, Котельническая набережная... Что, ты говоришь, тебя интересует?

– Кто выезжал к нему за последний месяц, – подсказал я.

Хоменко щелкнул клавишей и посмотрел на экран, окрасившийся красивым бирюзовым цветом.

– Так... Ты был у него семнадцатого мая... – сообщил он. – Потом... двадцатого ездил Светлышев, он тогда заменял Кириллова. Двадцать третьего к нему посылали Виноградова. Затем двадцать пятого у него был Четыкин из другой смены... И еще был вызов – второго июня. Ездил Екатерина Игнатьевна из нашей смены... Во всех случаях вводился морфин. Больше никаких мероприятий не проводилось. Вот, пожалуй, и все.

– Постой! – перебил я. – А после второго июня не было ни одного вызова?

– Да нет же, – ответил Хоменко. – Я тебе выдал полную информацию, как ты и просил.

– Спасибо, – сказал я. – А где сейчас Екатерина Игнатьевна?

– В комнате отдыха, по-моему, сериал какой-то смотрит...

Екатерина Игнатьевна действительно смотрела телевизор в компании моей помощницы по бригаде Инны, девушки молодой, но исключительно серьезной. Екатерина Игнатьевна и сама была личностью с весьма большими амбициями и исключительным самомнением. Держалась она всегда по-королевски надменно и снисходительно, словно оказывая окружающим неоценимую услугу. Однако даже такие возвышенные и самоуглубленные дамы не в состоянии устоять перед чарами примитивных героев латиноамериканского «мыла». По-моему, здесь непочатый край работы для психологов и психиатров. Я же, не являясь ни тем, ни другим, испытывал серьезные трудности, намереваясь вырвать надменную Екатерину Игнатьевну из плена иллюзий. Но отступать я не собирался, подгоняемый нетерпением охотника и следопыта.

Комната отдыха, выполненная в спокойных голубоватых тонах, была погружена в приятный полумрак. По стенам вились стебли каких-то комнатных растений. Вокруг телевизора расставлены мягкие кресла, два из которых были заняты дамами. Когда я вошел, меня удостоили самого поверхностного взгляда, и тут же глаза женщин вновь устремились на экран, где жгучий бразильский брюнет безутешно рыдал прямо в камеру. Почему-то мужчины в сериалах

постоянно плачут – видимо, это самое надежное средство завоевать сердце женщины. «Интересно было бы попробовать», – подумалось мне.

Однако единственное, что мне удалось из себя выдавить, это самый будничный вопрос:

– Екатерина Игнатьевна, вы не могли бы уделить мне пару минут?

Она ответила, не отрываясь от экрана, точно сквозь сон:

– Что вы хотели, Владимир Сергеевич?

С сомнением посмотрев на юную Инну, я уточнил:

– Это интимный разговор. Может быть, выйдем на минуточку?

Мне удалось пронять Екатерину Игнатьевну. Она взглянула на меня с царственным недоумением, и ее тщательно подкорректированные брови поднялись высоко вверх.

– Что это значит? – холодно произнесла она. – Какой у нас с вами может быть интимный разговор, Владимир Сергеевич?

– Разумеется, это шутка, – нетерпеливо объяснил я. – Но вопрос для меня очень важный. И безотлагательный.

Надменное лицо Екатерины Игнатьевны выразило крайнюю степень недовольствия.

– Меня удивляет склонность молодых людей к шуткам такого сорта! – сообщила она. – И вообще, если у вас есть вопрос, так задавайте его, а не разыгрывайте здесь сцены из римской жизни!

Нет, положительно, я позавидовал бразильским мужчинам, безо всяких усилий льющим горькие слезы. Мне тоже хотелось в этот момент заплакать, но слез не было и в помине. Хотя «сцены из римской жизни» звучали очень обидно, пусть и не слишком понятно.

– Ну бог с вами! – сказал я покорно. – Хотя я предпочел бы разговор с глазу на глаз. Скажите, второго июня вы были на вызове у Зелепукина на Котельнической набережной?

– Ну и что? – холодно спросила Екатерина Игнатьевна. Ни один мускул не дрогнул на ее холеном лице.

– Жена больного... э-э... не делала вам никаких необычных предложений, Екатерина Игнатьевна?

И опять лицо ее не шелохнулось.

– Что вы имеете в виду под необычными предложениями, поясните! – высокомерно произнесла Екатерина Игнатьевна.

Пожалуй, я растерялся. Мое расследование с самого начала заходило в тупик. Да и глупо было надеяться выудить что-то из этой замороженной куклы, больше похожей на истукана с острова Пасхи, чем на женщину. Если она что-то и знает, так своим вопросом я просто спугнул ее.

– Под необычными предложениями я понимаю предложения, в которых содержится нечто, выходящее за рамки обыденного, – скучным голосом объяснил я. – Например, вы собираетесь поставить больному клизму, а вам предлагают вместо этого задушить его подушкой... Мне кажется, такое предложение звучит достаточно необычно...

Теперь на меня посмотрели обе женщины. Мне удалось натянуть нос бразильским красавцам, но какой ценой! Особенно выразителен был взгляд Инны – чувствовалось, что ей очень стыдно работать под началом такого легкомысленного и непритязательного шутника, как я. Меня, правда, больше интересовала реакция Екатерины Игнатьевны – и, надо сказать, она меня несколько успокоила. Намек был более чем прозрачен, но Екатерина Игнатьевна отреагировала на него всего лишь как на очередную дурную шутку.

– Владимир Сергеевич, – произнесла она ледяным тоном, – в другой раз, если захотите поупражняться в остроумии, подберите себе объект, который бы соответствовал вашему уровню. А меня попрошу впредь оставить в покое!

– Уже оставил, – мирно ответил я. – Кстати, говорил я вполне серьезно, а если вы склонны видеть во всем смешное, это значит, что у вас веселый и нестандартный склад ума...

Никто за язык меня не тянул, но от этого невинного замечания я не мог удержаться, приобретя в лице Екатерины Игнатьевны непримиримого и серьезного врага. Но, в конце концов, не плакать же мне было!

Ничего конкретного я не узнал и поэтому решил форсировать события. Я опять направился в диспетчерскую и сказал:

– Послушай, Хоменко! Сделай мне вызов к этому Зелепукину!

– Ты же знаешь, Владимир Сергеевич, – наморщившись, ответил диспетчер, – что все звонки фиксируются...

– Подумаешь, проблема! – легкомысленно сказал я. – Позвоню сейчас с другого телефона, и пусть себе фиксируется.

– А за вызов платить кто будет? – поинтересовался Хоменко. – Ты уверен, что тебя там ждут?

– Сам заплачу! – с досадой сказал я.

Хоменко покачал головой.

– Родственник, что ли, он тебе? – спросил он. – Носишься ты с ним...

– Почти, – ответил я и отправился искать телефон, чтобы симитировать вызов.

Все звонки у нас фиксируются на магнитную ленту и сохраняются в течение суток. Это делается на случай каких-то спорных ситуаций. У меня была надежда, что сегодняшняя информация не окажется спорной, иначе меня ожидали неприятности.

– Инну не берешь с собой? – поинтересовался Хоменко, когда вызов был оформлен.

– Зачем она мне нужна? – ответил я. – С родственником я и сам разберусь.

– Зря! – мечтательно заявил Хоменко. – Такая девочка! Я бы с ней хоть на край света...

– Оставляю ее тебе, – сказал я. – Пригласи ее в диспетчерскую и проводи какие-нибудь занятия. По технике безопасности, например...

– Да, пригласи! – вздохнул Хоменко. – Она на меня даже не смотрит!

– Сумей увлечь девушку! – сказал я. – Поговори с ней о чем-нибудь захватывающем. Расскажи, например, о поражениях электротоком... Инна у нас товарищ серьезный, ей должно понравиться...

– Ты все шутишь! – опять вздохнул Хоменко. – А я слышал, у тебя неприятности... Из реанимации тебя поперли...

– Ну уж и поперли! – нахмурился я. – Слушаешь всякие сплетни! Сам ушел! Перевелся в терапию.

– А чего в терапию? – спросил Хоменко, с любопытством кося на меня глазом.

Я пожал плечами:

– А что? Спокойно. Престижно. Макаров предложил, а я согласился...

– А чего это он тебе вдруг предложил? – не отставал Хоменко, и в его тоне мне почудилась какая-то издевательская насмешливая нотка.

– Откуда я знаю! Понравился я ему! – Но, заметив на губах диспетчера странную усмешку, я встревожился: – А в чем дело? Ты чего-то знаешь?

– Да нет, я ничего! – отвел взгляд Хоменко. – Просто болтают. Ты не в курсе, что ли? Ну, в общем, что Макаров, это... ну, нетрадиционной ориентации, понимаешь? Он и не женат поэтому до сих пор. Я думал, ты знаешь...

– Первый раз слышу – ошарашенно сказал я. – М-да... Да бог с ним! Меня его ориентация не волнует...

– Ну, тебе виднее! – сказал Хоменко. – Так ты едешь? Степаныч уже готов.

Я кивнул и вышел из диспетчерской. Слова Хоменко смутили меня. Интерес, проявленный ко мне элегантно и добрейшим Игорем Станиславовичем, предстал теперь совсем в ином свете. До сих пор мне не доводилось вплотную сталкиваться с проблемой сексуальных меньшинств, но надо признаться, что сочувствия у меня они не вызывали. Если сообщение

Хоменко окажется правдой, в терапевтическом отделении меня ждут самые непредвиденные осложнения. Правда, сплетня – это наш национальный вид спорта, и все мои опасения могли оказаться совершенно пустыми. Подумаешь, не женат! Я тоже до сих пор не женат. Просто не готов пока взять на себя ответственность. Может быть, Макаров тоже пока не готов. Так или иначе, я решил выбросить до поры до времени все это из головы. У меня еще была впереди масса проблем с несчастным Зелепукиным.

Как обычно, никакого определенного сценария у меня не было. Я намеревался действовать по обстоятельствам. Никаких особенных результатов от своей поездки я не ожидал – если бы я застал Зелепукина в живых, это вполне бы меня удовлетворило. Пожалуй, я все-таки постарался бы припугнуть хозяйку оглаской. Дальше моя фантазия не простиралась.

Однако меня ожидал неприятный сюрприз. На двенадцатом этаже высоты, где располагалась квартира Зелепукина, меня встретила пожилая опрятная и внимательная женщина, в которой я узнал домработницу. Приоткрыв тяжелую дубовую дверь, она встревоженно и недоверчиво уставилась на мой белый халат.

– А-а... вы к кому? – неуверенно спросила она.

– Я к Федору Никодимовичу, – деловито объяснил я. – Или к его жене. Как хотите.

Домработница сделала движение, будто глотала застрявший в горле кусок.

– Лидии Сергеевны нет сейчас дома, – тихо ответила она. – А Федора Никодимовича... вы разве не знаете... мы вчера схоронили...

– Вот как! – озадаченно сказал я. – Какое несчастье! Нет, я ничего об этом не знал. Как он умер?

– Обыкновенно, – вздохнула домработница. – Лидия Сергеевна вышла на кухню по хозяйству... Завтрак готовить... У меня-то в тот день как раз выходной был... А когда в спальную вернулась – он уж не дышит. Ну, отмучился, слава богу!

На лице ее было написано искреннее сожаление.

– Выходной... В день смерти вас здесь не было? – пробормотал я. – А еще кто-нибудь был в доме, кроме Лидии Сергеевны?

– Никого, – покачала головой домработница. – Одна она, бедняжка!.. А вы, значит, по ошибке приехали? Или, может, раньше договаривались?

– Получается, по ошибке, – ответил я. – Извините за беспокойство... А вообще Лидия Сергеевна когда теперь будет?

Домработница сокрушенно покачала головой.

– Уж и не знаю, что вам сказать. Она меня в свои дела не очень-то посвящает – считает ниже своего достоинства... Но, как я понимаю, – переезжает она. Квартира теперь другим людям достанется. Мне место искать придется, наверное...

– Что же с собой она вас не берет? – сочувственно спросил я.

– Куда? – таинственно приглушенным голосом произнесла женщина. – Она ведь за границу уезжает. За кордон! Там таких, как я...

Она безнадежно махнула рукой.

Итак, круг замкнулся. Своей ли смертью умер несчастливый Зелепукин, или Лидии Сергеевне удалось воплотить в жизнь свои зловещие планы – выяснить теперь не представлялось никакой возможности. Не требовать же, в самом деле, эксгумации покойника! На основании чего – моих ничем не подкрепленных подозрений? Дело, конечно, было нечисто – я был в этом уверен. И решительный отъезд Лидии Сергеевны за кордон косвенно подтверждал это. Но исправить свою ошибку мне было уже не суждено. И даже потревожить совесть железной леди Зелепукиной мне напоследок не удалось. Судьба распорядилась по-своему. Крайне довольный собой, я распрощался и покинул злополучное место.

* * *

Всю ночь сквозь распахнутое окно в комнату вползал одуряющий зной. И только под утро, когда чуть-чуть побледнело небо, подул почти неуловимый ветерок, намекающий на спасительную прохладу. Роман Ильич, не сомкнувший глаз, в очередной раз повернулся на своей одинокой постели и, вытянув руку, нашарил на столике будильник. Поднеся его к глазам, Роман Ильич убедился, что мучиться еще долго – стрелки показывали половину четвертого. Он вернул будильник на место и, вытянувшись во весь рост, крепко зажмурил глаза. Методично и бесстрастно он принялся повторять про себя формулы аутогенной тренировки, пытаясь силой воли вызвать хоть полчаса сна.

Его настойчивость была вознаграждена: раздражение улеглось, и утомленный мозг начал погружаться в бархатную черную пучину, какие-то бесплотные туманные образы каруселью завертелись перед внутренним взором, но в этот момент предательский настойчивый звон комариных крыльев возник ниоткуда и впился в самое ухо. Сна как не бывало.

Четыкин открыл глаза и с ненавистью посмотрел на белесое пятно потолка, призрачно светившееся в полумраке. Проклятый комар исчез без следа, но дело свое он сделал. Роман Ильич понял, что теперь уснуть ему уже не удастся. «Нужно обязательно проверить сетку, – мимоходом подумал он. – Возможно, в ней появились отдельные прорехи». Устанавливая ее, он с присущей ему тщательностью и педантизмом заделывал все щели, но ничто не вечно под луной. Совсем не открывать окно было невозможно – лето в Москве выдалось убийственное, палящее, удушающее. Без сетки же в окна набивались всякие твари, отравляющие жизнь.

А жизнь у Четыкина и без того была нелегкой. Двадцать лет назад он окончил медицинский институт и, полный радужных надежд, начал свой трудовой путь. Реальность быстро не оставила от этих надежд даже мокрого места. Ничего особенного Роману Ильичу добиться не удалось. Он был усерден, но не более. Ни его средние способности, ни замкнутый характер, ни весьма заурядная внешность не сулили ему никаких перспектив. Он всегда оставался исполнительным, дисциплинированным, надежным и педантичным. Но этого было слишком мало для карьеры. Он пытался сходить с нужными людьми, пытался угождать начальству, но особых выгод для себя не извлек.

В конце концов все оборачивалось против него – и исполнительность, и педантичность, и невыразительная внешность. Его бесстрастное лицо, изрытое шрамами от старых угрей, неподвижные рыбы глаза, размеренный голос и абсолютное отсутствие чувства юмора отпугивали всех, кто имел с Романом Ильичом дело. Услуги принимали, но его самого старались держать от себя подальше, подозревая в нем некую скрытую угрозу. Единственное, чего ему удалось добиться, – это устроиться в престижную больницу, расположенную в одном из переулков между Тверской и Большой Никитской.

Работал он в отделении «Скорой помощи». Помощь была хотя и скорой, но платной, и клиентура у Романа Ильича весьма специфическая – бизнесмены, крупные чиновники, военные, артисты. Он выезжал по вызову в престижные районы, в элитные квартиры, в загородные особняки – и чужая обеспеченная жизнь вызвала в Четыкине глухую неутолимую зависть. Сам-то он жил в старом пятиэтажном доме на Варшавском шоссе, в однокомнатной квартире с кухней и санузелом на двух хозяев. Комната досталась ему от покойной матушки, которая в одиночку растила и воспитывала его. Роман Ильич еще пытался строить какие-то планы относительно нового жилья, делать накопления, но после «черного августа» все эти планы пошли к черту, накопления разлетелись в один момент, и все нужно было начинать с нуля.

Однако зарплата его, хотя и была несколько выше, чем в обычных учреждениях медицины, не позволяла уйти слишком далеко от этой круглой цифры. Нелепость и несправед-

ливость такого положения угнетали Романа Ильича. Он вспоминал, что слышал о врачах на Западе – об их высоких гонорарах, счетах в банках, собственных клиниках и личных яхтах.

Да что там на Западе! И здесь, в России, врачи жили когда-то как люди – достаточно почитать того же Чехова! Врач имел дом – непременно большой, каменный, – собственный выезд, то есть лошадей и карету, а по нынешним меркам это будет не меньше, чем «Мерседес». Врач был человеком независимым и уважаемым.

И всего этого Роман Ильич был по непонятным причинам лишен. Какая-то неведомая, но непреклонная сила отобрала у него самую возможность достойной, насыщенной жизни, а взамен подсунула бесполезный диплом советского врача, дающий право лишь на полунисенское существование безо всяких намеков на перемены. Сознание своей беспомощности и неудачливости наполняло сердце Романа Ильича ядом отчаяния. Не складывалась у него и так называемая личная жизнь. И здесь срабатывал тот же эффект отчуждения. Его непреклонное, замкнутое лицо, изрытое шрамами, точно изъеденное червями, отпугивало от Четыкина любых женщин, даже дурнушек. И даже проститутки, услугами которых он иногда пользовался, несмотря на свой профессионализм, с трудом скрывали неприязнь, которую вызывал у них этот странный, сдержанный и скучный человек.

Будто в насмешку судьба подсунула Роману Ильичу в соседки юную профессиональную баскетболистку с карамельным именем Лариса. Несмотря на юный возраст, Лариса была совершенно самостоятельной и беспардонной особой. Она совершенно спокойно разгуливала по квартире в трусах, туго обтягивающих мощные бедра, и в спортивной желтой майке, которую сзади украшала огромная цифра «пять», а спереди – призывно торчащие девичьи соски. Четыкин всегда обмирал, видя перед собой эти два метра жаркой плоти, пухлые губы и соломенного цвета волосы, стянутые в хвост на затылке. Он испытывал к девушке сложное чувство, состоящее наполовину из ненависти, а наполовину из вожделения. Он перестал оставлять в ванной свои гигиенические принадлежности, потому что Лариса без зазрения совести могла в любую минуту воспользоваться его полотенцем, зубной пастой и даже бритвенными лезвиями, чтобы выбрить себе подмышки. Романа Ильича это корбило – ко всему прочему он был еще и необыкновенно брезглив. Никакие замечания и нравоучения на Ларису не действовали – она воспринимала Романа Ильича как пигмея и не прислушивалась к его словам. Ни ледяной тон, ни пристальный взгляд рыбьих глаз Роману Ильичу не помогали – его просто игнорировали, – и это причиняло ему дополнительные страдания.

Особенно туго ему приходилось, когда к Ларисе заваливались ее подруги – такие же огромные и бесстыжие баскетболистки в кроссовках невиданных размеров и со спортивными сумками через плечо.

После них на кухне оставалась грязь и горы окурков, испачканных розовой помадой. Но хуже всего было, когда приходили мужчины. Они менялись, но всегда это были непременно спортсмены – едва не задевавшие коротко стриженной головой потолок, с узлами мускулов на длинных руках и с беспощадными гладиаторскими глазами. Иногда кто-то из них оставался на ночь, и тогда из Ларискиной комнаты неслись такие страстные и неистовые звуки, что, слушая их, Роман Ильич едва не терял рассудок. Спасало его только то, что Лариса большую часть времени пропадала на сборах, соревнованиях, в заграничных вояжах, и тогда он становился единственным хозяином квартиры и немного восстанавливал душевное равновесие.

Но в целом положение свое Четыкин считал нестерпимым, и голова его постоянно была занята одним – он хотел срочно разбогатеть. Однако способов разбогатеть Роман Ильич не знал. Он умел только одно – лечить людей. За это ему платили умеренную зарплату, и никто не предлагал ни копейки больше. К способностям и желаниям Романа Ильича все были до странности равнодушны.

На работу он часто приходил разбитым и больным. Это всегда случалось, когда со сборов возвращалась его соседка Лариса. Возвращалась не одна, а с целым табором шальных бас-

кетболисток. Они веселились всю ночь напролет. Четыкин не мог сомкнуть глаз. Прекратить бардак у него не хватало духу. От обилия мощных потных женских тел в маленькой квартире ему делалось по-настоящему жутко. Это был какой-то мистический, первобытный страх, справиться с которым Роман Ильич был не в силах.

На дежурстве он то и дело засыпал. Его тревожили, только если поступал вызов. По другим поводам коллеги предпочитали с ним не общаться, что, впрочем, вполне Романа Ильича устраивало. Ничего путного он от коллег не ждал. Как, впрочем, и от жизни.

* * *

Алексей Виноградов проснулся в семь утра. Он ежедневно просыпался в это время, так как за многие годы у него уже выработалась устойчивая привычка. Проснувшись, Виноградов некоторое время еще полежал в постели, потом встал и первым делом выпил стакан апельсинового сока.

Сделав зарядку, Виноградов надел шорты и футболку и вышел на улицу, направляясь в сторону парка, находящегося прямо напротив его дома. Пройдя через ворота, Алексей дошел до своей любимой аллеи и уже по ней побежал, разгоняясь, легкой трусцой...

Этот ритуал он совершал каждый день на протяжении многих лет. Исключения составляли лишь те утра, когда врач престижной частной клиники Алексей Викторович Виноградов возвращался утром с ночного дежурства. Но тогда он наверстывал упущенное вечером, после того как отсыпался.

Виноградову было тридцать два года. Это был высокий, стройный шатен с ясными голубыми глазами. Внешность его была яркой, неординарной и весьма привлекательной в глазах женщин. Он пользовался у них колоссальным успехом, но тем не менее никогда не был женат.

Он и сам не знал почему. Нет, не потому, что был убежденным холостяком. Просто так складывалось, что ни одну из своих многочисленных приятельниц он не представлял в роли жены.

На Виноградова трудно было угодить. Само собой, его будущая жена должна была обладать абсолютными внешними данными. Более того, Алексей предпочитал женщин из «высшего света». К тому же Виноградову нужна была женщина, с которой ему всегда было бы интересно. А часто выходило так, что новая ослепительная подружка оказывалась при более близком знакомстве не менее скучной, чем муляж. Так что долгих и прочных связей с женщинами Алексей не имел, хотя посвящал им немалую часть своей жизни.

Он появлялся с ними на светских мероприятиях, которые часто и охотно посещал. Благодаря работе в престижной больнице, общительности натуры Алексей имел много друзей и приятелей в разных кругах, но в основном из светской тусовки. Именно такая жизнь его всегда привлекала и манила. Рестораны, приемы, презентации, банкеты, литературные, кинематографические и прочие вечера – вот среда, в которой Алексей всегда хотел бы вращаться.

Конечно, подобный образ жизни требовал денег, и немалых. И в последнее время перед Алексеем эта проблема встала особенно остро. Тех денег, что он получал в клинике, ему явно не хватало. Приходилось залезать в долги, которые потом, естественно, непременно нужно было отдавать.

Алексей вырос в интеллигентной семье. Мать его была профессором-музыковедом, преподавателем музыки, отец – филологом-лингвистом, поэтому с детства было предопределено, что Леша выберет творческую профессию. И когда он объявил, что поступает в медицинский институт, члены его семьи хоть и поморщились, но не возражали и даже были и довольны: врач – вполне престижная профессия.

Учеба давалась Алексею легко. Будучи от природы очень одаренным человеком, обладая блестящей памятью, Алексей сдавал сессии, словно шутя. Однако, как это часто бывает при

подобных данных, ему не хватало усидчивости. Он привык схватывать все на лету, а просиживать вечера и ночи за учебниками, грызя гранит науки, было скучно, неинтересно.

Окончив институт, он поработал врачом на «Скорой помощи», понял, что больших денег там не заработаешь, но зато приобрел практические навыки, после чего устроился в частную клинику – помогли мамины связи. Конечно, зарплата здесь была выше, чем на «Скорой», но все равно деньги таяли с катастрофической быстротой, не успевая за потребностями Алексея.

Не желая менять образ жизни, Алексей отчаянно искал дополнительный заработок. Но так как он был человеком честолюбивым, с амбициями, то и здесь его не могла устроить любая «шарашка». Пойти, например, подрабатывать грузчиком по вечерам он, конечно, не мог.

Пытался лечить знакомых своих знакомых, давал советы и разрабатывал собственные методики, но заработки эти не были стабильными, а также и высокими, поэтому не могли решить его проблем. А проблемы нависали тяжелым комом, готовым в любой момент обрушиться на буйную голову Виноградова.

В последнее время это сильно портило ему настроение. Вот и сегодня, едва Алексей проснулся, как действительность напомнила ему, что у него остались две последние упаковки любимого апельсинового сока, а денег на приобретение новых нет, поскольку тогда ему попросту придется отказаться от еды.

Вздыхнув, Алексей пробежал пять кругов по парку и не спеша направился к дому. Но даже пробежка и принятый сразу после нее холодный душ – тоже многолетняя привычка – не смогли сегодня взбодрить Алексея и привести в нормальное русло его мысли.

Позавтракав, Алексей стал собираться на дежурство. Выйдя из дома, он отправился к ближайшей станции метро.

«Черт, даже машину не могу себе купить! – сокрушенно качал он головой, не задумываясь над тем, что если подсчитать сумму его затрат на многочисленные тусовки, то ее как раз бы хватило на какой-нибудь недорогой автомобиль. – Ради чего было учиться столько лет?»

Хорошо еще, что у Алексея была своя квартира, доставшаяся ему от бабушки. Жизни с родителями в тридцать два года он себе не представлял.

Трясаясь в переполненном вагоне метро, Алексей с тоской смотрел в окно и мучительно размышлял, где ему раздобыть денег...

* * *

В машине дежурный врач молчал. У него не было никаких знакомых на улице Добролюбова. Тем более он не знал Смирнову Любовь Николаевну, семидесяти семи лет, которая жаловалась на затрудненное дыхание. И Смирнова Наталья Дмитриевна, которая, собственно, и звонила в «Скорую», была ему неизвестна. Никак не мог он и тешить себя мыслью, что имя его известно всей Москве и все больные желают лечиться только у него, – это была полная чушь. Но тем не менее имя его было названо, и он, как всякий интроверт, то есть человек замкнутый, испытывал неприятный дискомфорт, попав в зону чьего-то пристального внимания.

Перед его внутренним взором упорно и назойливо вставали два отвратительных видения, которые он безуспешно пытался гнать от себя, – распахнутый последним судорожным движением рот Зелепукина и черные скользкие сороконожки, разбегающиеся из-под отваленного в сторону камня. Чувства, которые он испытывал сейчас, были очень похожи на панику застигнутых врасплох насекомых.

Однако по лицу его ничего понять было невозможно. Оно оставалось, если можно так выразиться, постоянно в одном градусе, и ни водитель, ни санитары не заметили в своем враче никакого беспокойства. Санитары даже испытали некоторое удовлетворение, когда, добравшись до места, он сухо распорядился:

– Можете оставаться в машине! Вы мне пока не нужны!

Что-то подсказывало ему необходимость появиться у больной без свидетелей. Он вылез из машины, взял укладку и направился к подъезду большого семиэтажного дома, построенного, вероятно, еще в довоенные или послевоенные времена, на что указывала солидная основательная архитектура здания с высокими окнами и маленькими балкончиками.

Возле дверей подъезда его ждали. Из полутьмы вдруг выступила стройная соблазнительная фигурка, обтянутая черными, поблескивающими, точно вороненый металл, брючками и кисейной кофточкой такого же аспидного цвета. Волосы у девушки также были темные – и вся она казалась поэтому какой-то тенью, призраком жаркой июньской ночи. В первый момент доктор даже вздрогнул.

– Вы, наверное, к нам? – зашебетала девушка, заглядывая ему в глаза. – Идемте, я вас провожу, а то вы будете плутать. На лестнице темно, и лифт не работает.

Его обдало облаком какого-то невероятно сладкого и дурманящего аромата – таких духов он никогда еще не встречал, и они подействовали на него самым тревожным и возбуждающим образом. Он пошел вслед за девушкой, пьянея от томительного запаха и от гибких кошачьих движений своей юной спутницы.

В подъезде было действительно темновато, но не настолько, чтобы нельзя было найти дорогу. Врачу даже удалось довольно хорошо рассмотреть девушку, когда она, легко взбежав по ступенькам, остановилась и оглянулась, поджидая его.

У нее было гладкое и безмятежное личико с резко подведенными глазами и большим накрашенным ртом. Когда она говорила, на щеках появлялись соблазнительные ямочки. И еще доктор заметил сдвинутые на лоб, запутавшиеся в густых волосах узкие солнцезащитные очки.

– Третий этаж! – как бы извиняясь, сообщила девушка и без особых усилий начала подниматься по высокой лестнице, треща подкованными каблучками.

Он поднимался не спеша, угрюмый и покорный, точно навьюченный мул. Наконец он добрался до третьего этажа. Девушка, пританцовывая от нетерпения, ждала его у дверей. Врач все так же молча последовал за ней в квартиру и, войдя в прихожую, едва не задохнулся от обрушившегося на него смрада.

Девушка виновато посмотрела на его изменившееся лицо и развела руками.

– Она сама давно не встает, – объяснила она, имея в виду больную. – А хорошую няню найти сейчас так трудно! Ни одна не задерживается! А Саша все время занят... Он ужасно занят! Вы же знаете, как сейчас заниматься бизнесом, – нужно все время быть начеку! Конечно, он старается что-то сделать, но ведь у него не сто рук...

– Чем больна Любовь Николаевна? – неприязненно спросил он, оглядывая помещение.

Квартира была хорошая – с высокими потолками, с просторными комнатами. Но на всем лежала печать запустения и распада – разбросанная повсюду ветхая одежда, забитые пылью ковровые дорожки, грязные пятна на обоях... И запах! Запах нечистот, гниения, спертости воздуха и лекарств.

– Чем больна? – повторил врач. – Кто вы ей будете?

– Я? – удивленно сказала девушка, словно проснувшись. – Да вроде снохи... Вам Саша все объяснит. Пойдемте, он на кухне. Там все же не так пахнет...

Крайне недовольный, он пошел за девушкой на кухню. Под ногами ощущалось что-то, похожее на слизь, видимо, полы здесь не мылись уже много месяцев. «Ну и загадили квартиру, – подумал с отвращением. – Бизнесмены! Наверное, не живут здесь. Ну да, она же говорила что-то про няnek, которые не задерживаются...»

Он вошел на кухню, жмурясь от яркого света – двухсотпятдесятиваттная лампочка без всякого абажура свешивалась с потолка на непомерно длинном шнуре и била прямо в глаза. За деревянным столом, покрытым газетой, сидел молодой человек с мощными плечами и толстой шеей тяжеловеса. С шеи свешивалась массивная золотая цепь. Молодой человек поднялся навстречу и протянул ему квадратную ладонь.

– Александр! – сказал он солидно и рукопожатием едва не раздавил доктору пальцы. – Присаживайтесь. Вот этот стул вроде почище...

Морщась от боли и шевеля кистью, врач опустился на стул и исподлбья посмотрел на молодого человека. Александр, казалось, был живым воплощением образа «нового русского», растиражированного в тысячах анекдотов и карикатур. Кроме медвежьей фигуры, облаченной в малиновый пиджак, он обладал еще круглой, коротко стриженной головой и маленькими дотошными глазками, в которых навсегда застыло выражение озабоченности.

– Вы тот самый дежурный врач? – деловито поинтересовался Александр.

– Я не понимаю...

– Я сейчас все растолкую, – пообещал молодой человек. – Может, сначала это... По рюмочке... – Он кивнул на стол и выжидательно уставился на врача.

Доктор заметил, что на столе красуется бутылка виски, стаканы и тарелка с нарезанными апельсинами.

– Не пью, – категорически сказал он. – Тем более на работе...

– А я выпью, – столь же категорически заявил Александр и, не откладывая дела в долгий ящик, исполнил свое намерение, занюхав порцию виски малиновым рукавом.

Врач настороженно выжидал. Происходящее совершенно не нравилось ему. Александр покрутил головой и жарко выдохнул. Потом многообещающе посмотрел на человека в белом халате, сидящего напротив него, и почесал затылок, будто не знал, как начать разговор.

– Врачуete, значит? – неуверенно сказал он наконец.

– Нельзя ли ближе к делу? – вежливо, но холодно спросил врач.

– Да нет, чего... Можно... – пробормотал Александр, как-то беспомощно оглядываясь на девушку, которая стояла возле окна, ладонями опираясь о широкий подоконник. – Чего сказать-то, а, Наталка?

– Что ты мне сам сто раз говорил? – с досадой ответила девушка. – Сам знаешь лучше меня!

– Да я, на фиг, не знаю, с чего начать, понимаешь? – смущенно проговорил молодой человек. – Вроде, блин, неудобно как-то!

– С денег начини! – убежденно сказала девушка. – Чтобы человеку голову не морочить. Ему будет все ясно и понятно.

– Точно! Золотая у тебя голова, – с облегчением сказал Александр и с кривоватой ухмылкой обернулся к доктору: – Наташка правильно сообразила, чего там говорить... В общем, я вам плачу пять штук, а вы сделаете свое дело, и мы разбежались! Пойдет так?..

Выпалив это, он уставился на него в нетерпеливом ожидании.

У врача к горлу подкатил неприятный комок, и тревожный холодок пробежал по спине. Он, несомненно, понял суть невнятного предложения, но в первую минуту даже себе побоялся в этом признаться.

– Что такое? Какие пять штук? – сказал он надменно, вскидывая подбородок. – Выразайтесь яснее, что вы от меня хотите?

Александр насупился и опять оглянулся на свою жену.

– Может, все-таки выпьешь? – с надеждой спросил, незаметно переходя на «ты». – Нет? Ну ладно! В общем, суть такова... Мамаша у меня плохая... Доходит совсем. Заживо, можно сказать, гниет. Смотреть больно. Мне за ней присматривать некогда. А чужим она, сам понимаешь, тоже на хрен не нужна... Чуешь, какой запахок в доме? А бог никак ее прибрать не хочет... Так и мучается старуха. И других мучает... Помочь бы ей надо...

Он замолчал и с надеждой посмотрел на врача.

На того словно напал столбняк. Он сидел и молчал, беспомощно глядя на стриженного детину, который в своих рассуждениях был прост, как ребенок, и, как ребенок, жесток. Но он застал его врасплох.

Врач старался забыть то, что произошло с ним на Котельнической набережной, гнал от себя видение безмолвно раскрывающегося старческого рта и надеялся, что в конце концов ему удастся забыть. Но теперь ему дали понять, что такие вещи не забываются. И, самое коварное, ему опять предложили деньги!

Те десять тысяч, что доктор получил от Зелепукиной, были припрятаны дома, в одном из старых медицинских учебников, в котором он вырезал и склеил страницы так, что образовался маленький тайник. Деньги покоились там без движения. Он предполагал оставить их на самый черный день, а пока делал вид, что их просто не существует. Он никак не надеялся, что ему повезет еще раз и найдутся люди, которые захотят... Но такие люди нашлись. Причем нашлись так быстро, что врач даже не успел приготовиться. Он опять не знал, как ему следует поступить и чего он хочет больше – денег или покоя.

– Ну, чего молчишь? – потревожил его Александр. – Я вроде тебе все растолковал...

– Если я правильно понял, – медленно сказал врач, – вы хотите, чтобы я умертвил вашу мать?

Александру стало не по себе от его неподвижного взгляда и ледяных слов. Он завертел бычьей шеей, которая у него внезапно побагровела, и, пряча глаза, сказал:

– Нет, ну... Я не так сказал, правильно? Я говорил – помочь... Ведь ей все равно теперь жизнь в тягость... Она и не понимает уже ничего. Сам я, конечно, на мать руку не подниму, правильно? А ты все-таки доктор... Знаешь, как там и чего...

Он замолчал и торопливо налил себе виски.

– И ничего здесь нет особенного! – подала голос юная Наташа. – За границей, например, так многие делают... Я по телевизору сама видела. Чего ей действительно мучиться? Она нам сама спасибо скажет!

– Да вы только на нее взгляните, доктор! – убеждал приободрившийся Александр, неожиданно опять перейдя на «вы». – Там же места живого не осталось! И сколько еще она будет так – никто не знает. А я бы сейчас хату как раз отремонтировал и вдул бы за хорошие бабки. Между прочим, – добавил он очень серьезно, – я за эти бабки памятник могу старухе отгрохать на века!

Врач смотрел на него не мигая. Со стороны его лицо казалось похожим на барельеф, вырубленный из уже искрошившегося камня, но в душе его бушевали нешуточные страсти. Однако он не дал им вырваться наружу и спросил с прежним спокойствием:

– А с чего вы решили, что я пойду на это?

Он еще внутренне пытался бороться с демоном наживы, пожиравшим его душу.

Александр опять замаялся, и врач уже собирался, преодолев последние сожаления, с независимым видом подняться, чтобы покинуть это сомнительное место раз и навсегда. Но в этот момент, словно гром среди ясного неба, прозвучали слова юной Наташи, которая с презрением и разочарованием произнесла:

– Ой, да ладно уж целку-то из себя строить! Мы же вас не зря разыскали, наверно! Зелепукина Федора Никодимовича помните? Чтобы вы знали, Лидия Сергеевна, его жена, мне теткой приходится. Она нам вас и посоветовала, а вы тут комедию ломаете!

Доктор был убит. Он внезапно побледнел и, потеряв дар речи, только испуганно переводил взгляд с Александра на его молодую жену и обратно. Теперь он окончательно осознал, в какую чудовищную западню попал. Его преступление перестало быть тайной и сделалось достоянием посторонних. Но кто мог предвидеть, что у той хищницы из высоты окажется не менее кровожадная племянница? Что она поделится с ней секретом? Никто, а менее всего он сам, всю жизнь чуравшийся сомнительных компаний.

Но как бы то ни было, а из создавшегося положения нужно было искать выход. Его растерянность не ускользнула от внимания беззастенчивых супругов, и они немедленно перешли в наступление.

– Ну так что, доктор? – окончательно окрепшим голосом произнес Александр. – Уговорила тебя Наташка? Чего молчишь? Или, может, ты мне не доверяешь? Вот они, баксы, держи!

Он весело сверкнул глазами и полез во внутренний карман пиджака. Неторопливо достал оттуда пухлый, сверкающий гладкой кожей бумажник и, развернув его, вытянул не слишком толстую пачечку сотенных долларовых банкнот. Значительно посмотрев на замершего врача, он выпятил нижнюю губу и небрежным жестом швырнул пачку на стол. Деньги шлепнулись с негромким соблазнительным звуком. Доктор проводил их полет хмурым напряженным взглядом.

А молодой человек все так же степенно сложил бумажник и бережно спрятал на своей бочкообразной груди. Затем он одернул пиджак и посмотрел на врача с вызовом.

– Твои, – сказал он лаконично.

И тут доктор произнес слова, которые вырвались из его уст сами собой, как будто совершенно без его участия.

– Здесь должно быть десять тысяч, – скрипуче сказал он.

Брови Александра поднялись, он переглянулся с женой, и они оба фыркнули.

– Не набивай себе цену, доктор! – сурово сказал молодой человек. – Я этого не люблю. И так переплатил.

– И вообще, вы должны понимать, с кем имеете дело! – запальчиво сказала Наташа. – Мы с вами говорим пока по-хорошему, но можем так испортить вам жизнь... Не обрадуетесь!

Он затравленно посмотрел на нее. Весь апломб его куда-то бесследно пропал. Незаметно для себя он сдал все позиции, и теперь инициатива была не на его стороне. Он осознал, что даже не в состоянии выторговать себе сумму побольше. Как бы не потерять и этого. Не глядя, он протянул руку, нащупал на столе пачку купюр.

– Хорошо, я согласен, – тускло произнес он. – Показывайте, где больная?

Молодые супруги торжествующе переглянулись, и Александр сделал приглашающий жест рукой.

– Пойдемте, – сказал он. – Это в спальне.

Врач поднялся, одномоментно отправив в карман пачку банкнот. Невольно в голове его промелькнуло нехитрое математическое действие – десять плюс пять было немного, но даже этого немного ему не удалось бы заработать честным трудом за всю прежнюю беспорочную жизнь. Эта мысль немного приободрила его.

Он подхватил укладку и направился вслед за Александром. Проходя через зал, заставленный старой потемневшей мебелью и освещенный так тускло, что он казался каким-то слепым, доктор заметил, что люстра, висящая под высоким потолком, тоже старая, состоящая из массивных хрустальных подвесок. Но хрусталь был покрыт толстым слоем пыли, а свет давала единственная уцелевшая лампа.

«Да, здесь бы приложить руки, – с угрюмой завистью подумал он. – Квартирка бы заиграла!» Но тут же выругал себя за праздные мечтания и приказал себе сосредоточиться на предстоящем деле.

Между тем Александр толкнул дверь спальни и обернулся к врачу. Лицо его сделалось скорбно-виноватым. Он молча ткнул пальцем в сторону широкой железной кровати с панцирной сеткой и сверкающими шариками на спинке. Доктор подошел ближе и обмер от неожиданности.

За время работы ему приходилось видеть всякое, но такие запущенные больные попадались нечасто. Перед ним на измятых, серых и промокших от мочи простынях лежала изможденная высохшая старуха с огромным, как шар, животом и с глубоко запавшими бессмысленными глазами. Ночная рубаша, грязная и влажная, была бесстыдно задрана, открывая отечную кожу живота и такие же распухшие ноги. Увидев перед собой людей, больная пошевелилась и что-то промычала запекшимися губами.

– Д-а-а, батенька! – протянул врач с осуждением и искоса посмотрел на неверного сына почти с отвращением. – Запустили вы мамашу!

Он осознавал, насколько неуместен сейчас его наставительный тон, но удержаться от замечания не сумел. Видимо, многолетняя профессиональная привычка брала свое. Перестроиться на роль палача ему пока не удавалось.

– Да вот видите, доктор! – с тоской и растерянностью отозвался Александр. – Я и не думал, что люди могут жить в таком состоянии... Сиделки не выдерживают, вчера последняя сбежала, а она все живет... И не ест практически, не пьет...

Врач «Скорой помощи» извлек фонендоскоп, прослушал сердце старухи. Ритм был неровный, но не частый. Он опять подумал о Зелепукине, вспомнил разинутый в немом крике рот. Пожалуй, здесь можно применить то же самое, подумал он. Только куда же торопиться? Старухе остались скорее всего считанные дни. Но это уже не его дело. Если людям невтерпеж, зачем ему отказываться от таких денег?

Он вытащил из ушей рогульки фонендоскопа, медленно свернул его и положил в карман.

– Оставьте нас одних! – сурово сказал он Александру.

Тот поспешно кивнул и вышел на цыпочках. Доктор развернул укладку и задумчиво прошелся взглядом по стеклянным головкам ампул. Неожиданно в голову ему пришла шальная мысль попробовать обойтись без лекарств. Десять кубиков простого воздуха, если загнать их в венозное русло, вызовут эмболию и немедленную смерть. «Экологически чистую смерть», – подумал он и попытался вспомнить, насколько достоверно определяется воздушная эмболия при судебно-медицинском вскрытии, но не мог. Впрочем, он тут же заставил себя не думать об этом. Вскрытия быть не должно – об этом позаботятся родственники.

Оставалась еще одна проблема. Он, сопя и хмурясь, потянулся к больной и, преодолевая минутное отвращение, повернул к себе ее руку. Так и есть – вены старухи были истончены и изуродованы атеросклерозом – попасть будет крайне сложно. Но он всегда гордился своим умением попадать в любую вену и не собирался пасовать и сейчас.

Быстро и туго перетянув высохшее старческое пле-чо жгутом, он собрал двадцатиграммовый шприц и до предела оттянул поршень. Теперь в шприце была смерть – бесцветная, бесплотная, ничем не пахнущая, – такая, какой и должна быть смерть.

Доктор по привычке протер локтевой сгиб спиртом и сам усмехнулся этой бессмысленной предосторожности. Отбросил целиком ватку и, еще не убрав с лица усмешку, зорко взглянул в лицо старухе.

А дальше произошло то, чего он никак не ожидал. Естественный ли это был ход событий или старуха прочла в лице своего рокового гостя нечто такое, что потрясло ее до глубины настрадавшейся души, – осталось неизвестным. Только она внезапно приподнялась на кровати и, глядя на врача с безграничным ужасом, заговорила быстро и неразборчиво, словно читая какую-то тайную молитву.

Он от неожиданности вздрогнул и замер, вслушиваясь в поток этой дикой речи. Волосы зашевелились на его голове. Ему казалось, что он вот-вот поймет смысл таинственных бесвязных слов, и смысл этот будет ужасен.

Но речь больной оборвалась так же внезапно, как и началась. Лицо ее исказилось и посинело. Нечеловеческий свистящий хрип вырвался из горла. Тело старухи охватила долгая судорога – потом оно обмякло и рухнуло на кровать. Наступила тишина.

Врач выронил на пол шприц и настороженно посмотрел на неподвижное тело. Он никак не мог поверить такой неслыханной удаче. Не шевельнув даже пальцем, не взяв греха на душу, он заработал пять тысяч долларов?

Он несколько минут продолжал сидеть, не шевелясь и пристально глядя на старуху, которая не подавала никаких признаков жизни. Наконец он протянул руку и нащупал сонную артерию на сморщенной шее. Сердце не билось.

Однако доктор не торопился. Он дотошно и буднично зафиксировал все необходимые признаки биологической смерти, собрал инструменты и медикаменты. Потом закрыл укладку и с облегчением вышел из комнаты.

Супруги встретили его настороженным взглядом. Врач остановился на пороге и сухо сказал:

– Я зафиксировал у больной смерть до приезда «Скорой». Реанимационные мероприятия эффекта не дали. Могу выдать вам медицинскую справку о смерти. Но можете обратиться в поликлинику по месту жительства. Я бы предпочел сейчас уйти.

Александр изменился в лице и неумело перекрестился.

– Выпить надо... за упокой души... Давай, доктор, выпей все-таки! Обычай, куда не денешься...

Он отрицательно покачал головой.

– Не забываете – я на работе! – непреклонно ответил он.

* * *

После этого визита к Смирновой в жизни доктора ровным счетом ничего не изменилось. Больше всего ему хотелось затеряться в этом мире так, чтобы никто не мог обнаружить и припомнить его. Он даже подумывал, не уехать ли в провинцию, в глухую дыру – купить там домик и зажить тихой, незаметной жизнью.

Но, подумав, решил не торопиться. Во-первых, Москва – это все-таки Москва. А во-вторых, ничего катастрофического пока не случилось. Совершенное им не имело никакого резонанса. Никто не звонил ему, никто не задавал ему никаких вопросов и тем более не присылал повесток. Порой ему казалось даже, что ровным счетом ничего не было и эти две смерти плод его воображения, не более. Он не испытывал мук совести, хотя вначале ожидал их появления, и был очень удивлен и обрадован, когда ожидания оказались напрасными. Ему не снились страшные сны, и даже видение раскрытого мертвого рта постепенно стерлось из памяти.

Единственное, что периодически беспокоило доктора, – это неясный, не слишком сильный страх, который охватывал его в самый неподходящий момент. Тогда ему чудилось, что кто-то, безумный и беспощадный, вдруг появляется на пороге и, ткнув в Четыкина пальцем, скрежещет нечеловеческим голосом: «Вот он!» В такие минуты врач впадал в прострацию, взгляд его делался беспощадным и тоскливым, и он умолкал даже в момент важного разговора, приводя собеседника в недоумение.

Однако постепенно доктор справился и с этим недугом и продолжал жить размеренно и просто. Иногда он доставал с нижней полки заветный учебник и, запершись на ключ, пересчитывал свои капиталы – это доставляло ему странное наслаждение. Иногда он против своей воли вдруг начинал мечтать о приумножении накоплений, о некоем заказе, который позволит заработать много, быстро и без особых усилий, но тут же гнал такие мысли прочь.

* * *

Вениамин Павлович Светлышев, пожилой врач частной клиники, возвращался домой с дежурства в крайне подавленном настроении. Последнее время оно часто одолевало его, и причина этому была только одна – деньги. А точнее, их отсутствие. В клинике он зарабатывал, конечно, неплохо, но этих средств все равно постоянно не хватало.

У Светлышева была довольно большая семья: жена, сын со снохой и дочь с зятем. И у сына, и у дочери были свои дети, и все хотели есть. Хорошо еще, что дочь вышла замуж за человека, обеспеченного жилплощадью, и ушла жить к нему. А вот сын с семьей продолжал жить в трехкомнатной квартире отца.

Жена сына не работала, находясь в декретном отпуске и готовясь стать матерью во второй раз. От одной мысли об этом Вениамин Павлович приходил в ужас.

«Дети – это, конечно, хорошо, – рассуждал он, качая головой. – Но зачем же вы, ребята, востого-то решили завести?»

Он очень любил своих внуков, часто возился с ними и очень внимательно относился к их здоровью. Но внуки, как и дети, постоянно требовали затрат. То сын, то дочь просили у Вениамина Павловича различные суммы займы. Займы эти никогда не возвращались. Вениамин Павлович и не пытался требовать их обратно, тем более что за детей постоянно вступалась жена. Потом жена сама же жаловалась на нехватку денег и с упреком говорила Вениамину Павловичу, что он мог бы зарабатывать и побольше.

Он и сам это понимал, но как же он мог приносить больше, если каждый месяц получал в клинике одну и ту же сумму? И прибавки к зарплате в ближайшее время не ожидал.

Кроме того, появилось в последнее время у Вениамина Павловича одно увлечение – он всерьез заинтересовался нетрадиционными методами лечения и даже собрался писать диссертацию на эту тему. Для этой цели он и стал посещать «Клуб психологической разгрузки».

Познакомившись с другими членами клуба и его гуру, Вениамин Павлович сам не замечал, как втянулся в занятия и вскоре не мыслил себе жизни без них. Он отмечал, что на занятиях этих прямо-таки отдыхает душой и телом. Гуру обладал уникальной способностью расслаблять волю своих учеников, чтобы они освобождались от груза душевных забот хотя бы на время.

Гуру был основателем своего учения, и Вениамин Павлович стал рьяным его последователем. Он запоем читал книги, которые любезно давал всем членам клуба гуру, на занятиях внимал каждому его слову, восхищаясь способностями учителя.

Своего гуру Вениамин Павлович уважал безмерно. А многих из своих коллег, если честно, считал просто неучами. Взять хотя бы этого напыщенного хлыща Виноградова. Ведь ясно же, что он просто дилетант в сравнении с ним! Кичится своим лохматым видом, потому что больше кичиться нечем. А гуру призывал не думать о низменных вещах, не заикливаться на материальных проблемах.

Вениамин Павлович старательно гнал от себя те самые низменные проблемы, но они коварным образом почему-то задерживались и постоянно напоминали о себе, словно издеваясь. Да и как было им не задерживаться, если гуру частенько устраивал семинары для всех участников клуба. Семинары были выездными и проводились на природе.

«Нужно быть ближе к природе», – так говорил гуру и назначал местом проведения нового семинара какой-нибудь подмосковный или приморский дом отдыха. Никто с этим не спорил, и все одноклубники вытрясали из своих запасов деньги на путевки. А путевки были, прямо сказать, недешевыми.

Когда Вениамин Павлович в третий раз сообщил жене, что собирается на семинар, она решительно заявила, что денег на это она ему не выделит. Ни копейки. Вениамин Павлович вспылил, накричал на жену, на сына, влепил подзатыльник внуку, а затем, стукнув кулаком по столу, ушел в спальню, громко хлопнув дверью.

На семинар он все-таки поехал. Он просто не мог его пропустить. Вениамин Павлович жил этой атмосферой, она стала для него уже какой-то наркотической, хотя в этом он не признался бы себе ни за что.

Теперь он шел, размышляя, где же раздобыть денег до выходных. Устраивать очередной скандал дома ему совершенно не хотелось.

По дороге домой и уже дома, сидя за столом и сосредоточенно двигая ложкой по тарелке, он постоянно ломал над этим голову, но, так ничего и не надумав, поднялся и собрался на очередное занятие клуба.

– Куда это? – спросила жена от раковины с грязной посудой.

– На занятия, – кратко ответил Вениамин Павлович.

– Опять на занятия! – возмутилась жена. – Каждый вечер на них шляешься! Дом совсем забросил. Ладно бы деньги зарабатывал, а ты их только разбазариваешь!

Жена коснулась больной темы, и Вениамин Павлович, и так до крайности раздраженный, поспешно прошел в прихожую, обулся и вышел из дома, хлопнув дверью.

* * *

– Черт вас знает, Владимир Сергеевич! – с глубокой тоской сказал мне Чехов. – Мало того, что вы не в состоянии вылечить, так вам еще нужно человека помучить, чтобы жизнь ему опротивела до последней степени! Ну посудите сами – разве это не инквизиция? Рентген я проходил, контраст ваш рвотный пил, зондирование вы мне проводили – желудочное и дуоденальное! Гастроскоп японский я глотал! Про всякую мелочь вроде анализов крови я уже не говорю! И вот не успел я очухаться, как вы опять назначаете мне те же самые пытки! Это, по-вашему, гуманно?

– В своем плаче вы забыли отметить, что от исследования кишечника все-таки уклонились, – хладнокровно заметил я.

– Да, уклонился! – гневно прорычал Чехов. – Еще не хватало, чтобы вы лазили ко мне в кишечник! Я все-таки полковник в отставке, можно сказать, герой, именным оружием награжден!

– Не вижу связи, – заметил я. – Разве что кишечник ваш особо засекречен... Ну да бог с ним. А повторные анализы необходимы, Юрий Николаевич... Они еще называются контрольными – с их помощью мы контролируем, насколько хорошо проведено лечение. Ведь за эти две недели вам стало немного лучше, правда? И аппетит у вас улучшился, и жалобы реже... Или я не прав?

Юрий Николаевич махнул рукой.

– Улучшилось! – сказал он, скептически кривя рот. – На такую малость, что и говорить-то об этом не стоит! Конечно, вы-то расцениваете это как большой успех медицинской науки! Может быть, еще и диссертацию накатаете на моем трупе...

– Вот это вы зря, – с упреком сказал я. – Во-первых, диссертация мне не по зубам, а во-вторых, вы еще всех нас похороните и над гробом речь скажете – о своем слабом здоровье...

– Ладно, сдаюсь! – мрачно произнес Чехов. – С чего начнем, доктор?

– Начнем с японского гастроскопа, – объявил я. – Надеюсь, вы воздерживались от принятия пищи и жидкости, как я вас инструктировал? – А если бы не воздерживался? – с вызовом спросил Юрий Николаевич. – Ну, разумеется, я воздерживался! В вашем сиротском заведении я постоянно вынужден от чего-то воздерживаться. Поэтому я жду не дождусь, когда вы удовлетворитесь моими анализами и выпишете меня отсюда!

– Наверно, дома, в холодильнике, вас дожидаются грибы в маринаде и запотевшая бутылочка? – догадался я.

– Вы напрасно иронизируете! – обиженно ответил Чехов. – Из-за ваших заблуждений я не собираюсь отказываться от радостей жизни.

– Тогда наша новая встреча неизбежна, – категорически заключил я. – Одним словом, сейчас сестра сделает вам премидикацию, промедольчик подкожно, потом анестезия глотки лидокаином – и пожалуйста бриться!

– Смотреть сами будете? – хмуро осведомился Чехов.

– Ну, зачем же сам? Анатолий Сергеевич у нас ас в этом деле – вдвоем с ним посмотрим... Ум, как говорится, хорошо, а два ума – уже палата... В общем, ступайте в процедурную, там Танюша вас ждет, она уже в курсе...

– Эх, жизнь! – уныло произнес Чехов и встал. – Никогда вам, впрочем, не понять больного человека!

Он повернулся и пошел к выходу. Вся его крепкая фигура выражала обреченность и несвойственную ей покорность. Я вдруг подумал, что Чехов в чем-то по-своему прав и занятый своими расчетами врач действительно не в состоянии понять, что чувствует независимый и гордый человек, попадая в безжалостные тиски больничных правил. Ни его тело, ни его будущее уже не принадлежат ему, и все за него решают важные и неприступные дядьки в белых халатах – они просвечивают его насквозь, выворачивают наизнанку, загоняют в постель, а потом, многозначительно поджав губы, удаляются на совещание, где выносят приговор, окончательный и не подлежащий обжалованию ни в одной инстанции. Пожалуй, Чехов прав, и в нашей профессии действительно есть определенный элемент инквизиции.

Подтверждение этого тезиса состоялось через полчаса в манипуляционной, где беспомощный Юрий Николаевич, лежа на операционном столе, стоически переносил вмешательство, которое сторонний человек иначе как издевательством бы не назвал. Из его раскрытого рта змеей выползал гибкий шнур гастроскопа, замыкавшийся свободным концом на хитрой приставке, которой управлял Анатолий Сергеевич, ас волоконной оптики. В высоком белом колпаке и хрустящем халате, он возвышался над несчастным Юрием Николаевичем, точно грозный призрак. Его выбритое до синевы лицо казалось торжественно-мрачным, и Чехов следил за ним с почтительным страхом беспомощной жертвы. Думаю, что свои воззрения на медицину он Анатолию Сергеевичу не выкладывал.

Приставка, соединенная с окуляром гастроскопа, позволяла выводить картину исследуемого желудка на экран цветного телевизора, и мы с Анатолием Сергеевичем могли как на ладони наблюдать те изменения, которые произошли внутри нашего сложного пациента за время его двухнедельных мучений.

А изменения, что бы там ни говорил сам Юрий Николаевич, имели место. Даже кратковременная разлука с радостями жизни принесла ожидаемый эффект, и суровое бритое лицо Анатолия Сергеевича заметно смягчилось.

– Ну вот, – благодушно пробормотал он, орудуя ручками управления, чтобы высветить самые потаенные уголки полковничьих внутренностей. – Положительная динамика несомненна... Вот теперь и антральный отдел... Отечность уменьшилась значительно... и геморрагических явлений мы практически не наблюдаем... Неплохо, очень неплохо...

Я посмотрел на Юрия Николаевича с плохо скрытым торжеством – мне он не верит, но аппаратура-то не может ошибаться. При поступлении гастроскопическая картина была такой, словно слизистую желудка ошпарили кипятком. Только слепой не смог бы почувствовать разницу. Однако в ответ в глазах Чехова мелькнул жалобный, но настырный огонек. «Сейчас я не в силах возразить, – как бы говорил он. – Но дайте мне немного свободы, и я выложу все, что о вас думаю».

– Анатолий Сергеевич сделает несколько снимков, – предупредил я. – И вы сами, Юрий Николаевич, сможете сравнить результаты.

– Всенепременно... всенепременно... – увлеченно пробормотал Анатолий Сергеевич. – И вы сможете сравнить... и мы тем более сможем...

Само собой разумеется, что на протяжении всей процедуры бедный Юрий Николаевич был начисто лишен права голоса. С онемевшей от лидокаина глоткой и шнуром в пищеводе особенно не разговоришься. Вынужденное молчание мучило разговорчивого полковника даже больше, чем копанье в недрах его измученного желудка.

Высказался он только после обеда, когда я зашел проводить его в палату. Юрий Николаевич с грустным видом сидел на краю постели и, нахохлившись, смотрел телевизор. Показывали какой-то молодежный сериал, сопровождавшийся неистовым закадровым смехом. При каждом новом взрыве смеха Юрий Николаевич морщился и осторожно щупал пальцами горло.

Когда я вошел, он заметно оживился и с хрипотцой в голосе заявил:

– Вот, будьте любезны! Ободрали мне горло своей японской техникой! А я ведь на досуге как-то изучил закон о правах пациента... Если задаться целью, то по этому закону я смогу предъявить вам столько претензий, что разорю вашу лавочку дотла!.. Взять только аспект необоснованного назначения анализов...

– Бросьте вы, Юрий Николаевич! – добродушно сказал я. – В основе любой жалобы должно лежать какое-то обоснование того, что вам нанесен ущерб. А у вас дело идет на поправку...

Чехов, насупившись, посмотрел на меня и вдруг сказал:

– Ну, это правда, мне сейчас стало лучше... Но в своем главном убеждении я непоколебим. Медицина замешена на варварстве. Достаточно посмотреть на лицо вашего Анатолия Сергеевича, когда он ковыряется во внутренностях беспомощного пациента – он в этот момент царь и бог! Маркиз де Сад!.. Вы еще жалуетесь на беспредел, царящий в органах! В любом случае человек в застенках хотя бы сохраняет за собой право кричать и материться. А здесь даже этого нельзя себе позволить!

– Зачем же материться? – с упреком заметил я. – Мы все-таки учреждение высокой культуры... Но дело не в этом, Юрий Николаевич. Я предполагаю вас денька через два-три отправить домой. Смею думать, вы не возражаете?

Грубое лицо Чехова просветлело.

– Ни боже мой! – воскликнул он. – Ваша больница, конечно, удобная, и к вам я привык, но дома, как говорится, и стены помогают... Да и, правду сказать, накладно у вас лечиться...

– Зато, как говорят в Одессе, вы имеете результат! – возразил я. – Собственно, об этом я и хотел с вами поговорить... Результат у нас сейчас, безусловно, положительный. Но если вы так и не захотите внять голосу разума, все пойдет коту под хвост. Скажите, как мне убедить вас, что в основе вашего здоровья лежит прежде всего воздержание и диета?

Чехов нахмурил лоб и задумчиво пожевал губами.

– Это, что же, – с недоверием произнес он, – выходит, и водочки ни-ни?

– Лучше, конечно, ни-ни, – ласково подтвердил я. – А если откажетесь от курения, так это будет совсем великолепно!

– Послушайте, Владимир Сергеевич, – с надеждой спросил Чехов. – А если, скажем, так: я ни от чего не отказываюсь, а когда заплохее, ложусь к вам, подлечусь – и снова... Как полагаете, в таком режиме можно функционировать достаточно долго?

– Может быть, и можно, – сказал я. – Но я бы не советовал испытывать судьбу. Возможен роковой исход. Восстановительные способности организма не безграничны...

– Ну а если все-таки потихоньку... понемножку, а? – проговорил Чехов умоляющим голосом.

– В принципе запретить я вам ничего не могу, – пожал я плечами. – Можете даже глотать шпаги и пить бензин. Сколько бы раз вы к нам ни попали, больница ничего не теряет. Счета оплачивать вам. У вас, наверное, большая пенсия, если вы можете позволить себе такое развлечение?

– У меня супруга – неплохой адвокат, – кашлянув, ответил Чехов. – Специализируется на имущественных спорах... Если она не даст мне вдруг отставку...

– Непременно даст, – заверил я. – Кому интересен муж, регулярно отправляющийся на больничную койку?

Маленькие глазки Чехова злорадно сверкнули. Он ткнул в меня кривым коротким пальцем и заявил:

– Вот оно, очередное свидетельство антигуманных настроений в медицинской среде! Вы считаете, что возможна дискриминация по состоянию здоровья, не так ли? Совсем не даром вам

предложили поучаствовать в эвтаназии, дорогой Владимир Сергеевич! Видимо, что-то такое прочитывается в вашем лице...

Он задел мое больное место. Туманная история продолжала беречь мою душу. Мне казалось, что она должна иметь продолжение, но откуда оно последует, я сообразить не мог. Уже несколько раз я порывался поделиться своими изысканиями с Юрием Николаевичем, но все как-то руки не доходили. Теперь, раз уж он вспомнил эту историю, я решил воспользоваться моментом.

– Кстати, об эвтаназии, Юрий Николаевич, – сказал я серьезно. – Хочу спросить вашего мнения. Человека, так сказать, соответствующего опыта... Дело в том, что я все-таки попытался разузнать о дальнейшей судьбе гражданина Зелепукина и с большим огорчением узнал, что он недавно скончался...

И я изложил Чехову все, что мне удалось выяснить.

На лице Чехова появилось выражение удивления и недовольства. Он даже полез в карман за сигаретами и, достав одну, зажал ее крепко губами. Однако, заметив мой сокрушенный взгляд, убрал ее и разразился уничтожающей тирадой:

– Не понимаю я вас! Неужели вы все-таки приняли эту историю всерьез? Ведь это дело настолько темное, что даже профессионал за него не взялся бы! Разве что за очень крутые деньги... Ну и что вы в результате выяснили? Подозреваемых нет, свидетелей нет, ничего нет!.. Вы спрашиваете моего мнения? Вот оно – выбросьте все это из головы!

– Но труп-то ведь есть! – упрямо заметил я.

Чехов с досадой махнул рукой.

– А кто сомневается в естественности смерти? – презрительно сказал он. – Только вы! Человек абсолютно посторонний... Гражданин Зелепукин скончался после тяжелой и продолжительной болезни, свидетельство о смерти подтверждает это, тело предано земле, покойника уже начали забывать... Более того, женщина, которую вы подозреваете, вероятнее всего, тоже покинула нашу юдоль, переселилась, так сказать, к антиподам... Чего же вы хотите?

– Но я чувствую, что Зелепукин умер не своей смертью! – заявил я.

– Ну, хорошо! Попробуем зайти с другого конца, – смиренно сказал Чехов. – Допустим, вам удастся добиться уголовного расследования. Допустим! Женщину задерживают, тело эксгумируют, проводят сложную, дорогостоящую экспертизу... И в результате выясняют, что смерть наступила от естественных причин! Зелепукину, извинившись, отпускают, а вас вежливо просят оплатить издержки... А следом и обиженная вами женщина выставляет вам ответный иск – о клевете. У вас, кстати, жена не адвокат? – хитро сощурившись, закончил Чехов.

– Я пока вообще не женат, – ответил я. – Но вот что я вам скажу, Юрий Николаевич! Чем больше и успешнее вы меня разубеждаете, тем крепче делается моя уверенность в насильственной смерти Зелепукина. Не знаю почему, но я чувствую это очень остро. Может быть, потому, что совесть моя не вполне чиста. И в ответ на ваши пространные рассуждения об ограниченности медицинской науки мне хотелось бы задать, в свою очередь, вопрос – а ваша оперативно-разыскная наука? Неужели она настолько бессильна, что, даже имея стопроцентный злой умысел, труп и прочее, не в состоянии изобличить преступника?

– Изобличает, кстати, следовательно, – проворчал Чехов. – Но в каком-то смысле вы правы. Не в состоянии! И очень даже часто не в состоянии. Все, в конечном счете, упирается в экономические нюансы... Представьте себе, сколь кропотливым и долгим будет в данном случае расследование, каких средств оно потребует... А какова его экономическая целесообразность? Нулевая!

– А нравственная? – напомнил я.

– А нравственная волнует, кажется, только вас, – спокойно заметил Чехов. – Представляете, в наше трудное время, когда столько нераскрытых громких убийств, столько миллионных афер, следственная бригада будет работать на удовлетворение вашего нравственного чувства!

– Ну, следственная, допустим, не будет, – согласился я. – Но я имел в виду другое. Можно ведь попробовать разобраться, так сказать, частным порядком...

Чехов иронически взглянул на меня и сказал покровительственно:

– Кем вы себя вообразили – Лу Арчером, Майком Хаммером?.. Комплекция, впрочем, у вас... Да и движетесь вы... Боксом занимались?

– Кандидат в мастера, – гордо сообщил я. – Бывший, конечно.

– Ну что ж, по одному параметру подходите, – милостиво согласился Чехов. – Но, заметьте, частный сыщик непременно имеет за плечами опыт полицейской работы... Где он у вас?

– Потому и прошу у вас совета, – скромно пояснил я.

– Совета... – проворчал Чехов и, опустив голову, погрузился в раздумья. – Ну что ж, если вы так настаиваете, кое-что я вам могу посоветовать. Но все равно, боюсь, вы таких наломаете дров...

– Авось не наломаю, – заверил я. – Я везучий...

– Ну-ну, – хмыкнул Чехов и уже решительно сунул в рот сигарету. – Но, не обессудьте, я буду курить! Без курения какое же расследование! – Сердито сопя, он раскурил сигарету и придвинул к себе чашку с розовым цветком на боку, чтобы стряхивать в нее пепел. – Что скажете?

– Ничего не скажу, – покорно произнес я. – Наверное, по-своему вы правы... Я – весь внимание!

– Ну-с, так! – Чехов с большим удовлетворением затянулся и выпустил огромное облако дыма. – В общем, вы меня где-то задели. Пробудили, можно сказать, азарт. И, в сущности, вы правы – преступник неизбежно оставляет следы. Может быть, и стоит их поискать. Не знаю, принесет ли это нам с вами удовлетворение, но, как говорится, все лучше, чем по подъездам шататься...

Он хохотнул и сделал новую затяжку.

Я терпеливо ждал, а Юрий Николаевич, кажется, от души наслаждался как сигаретой, так и тем, что курил ее в моем присутствии. Наконец он соизволил продолжить свои рассуждения.

– Итак, что я подумал, – сказал он серьезно. – Если начинать в этом деле с заказчика, то есть с супруги покойного, мы действительно сразу заходим в тупик, о котором я вам говорил. Но если зайти с другого конца? – Он посмотрел на меня суровым взглядом матерого законника. – Исполнитель! Несомненно, он был. И скорее всего он из вашего брата. Сама Зелепукина на убийство не пойдет, я думаю. Она из таких натур, которые при всей своей кровожадности бояться даже вида крови. Поэтому она и платила, не скупясь. Хотя кто ее знает, что она имела в виду, говоря «неплохо заплачу...».

Заметьте, она боялась сама убить, но совершенно не боялась огласки, предлагая заняться этой работой первому встречному. Видимо, она всерьез уверена, что в наши времена убийство не является очень уж предосудительным актом. И, пожалуй, она где-то права... Ваша позиция в этом вопросе была ей совершенно непонятна. Скорее всего она подумала, что вы глуповаты и непрофессиональны. Эдакий врач-недоучка. Но, судя по всему, в скором времени она нашла подходящего врача. – Чехов пронзительно посмотрел на меня и заключил: – Если этот человек действительно существовал и удастся узнать его имя – считайте, полдела сделано. Он наверняка признается. Интеллигенция, уж простите, Владимир Сергеевич, раскалывается быстро...

– Да бог с ней, с интеллигенцией! – нетерпеливо сказал я. – И как вы думаете, где искать этого человека?

Чехов, щурясь от дыма, почесал нос рукой, в которой была зажата сигарета.

– Тут две возможности, – задумчиво сказал он. – Или она продолжала бить в одну точку и этот человек с вашей «Скорой», или она нашла кого-то со стороны. Но вы говорите, что наблюдал Зелепукина профессор Черкасов... Не думаю, что профессор годится в киллеры. Идти в

поликлинику, искать кого-то там – пожалуй, это не в характере самой мадам. Не забывайте, что она как-никак из высшего общества... Нет, я все-таки склоняюсь к мысли, что она методически продолжала поиск убийцы среди тех, кто был ей в какой-то степени знаком. То есть среди ваших. Кто, говорите, выезжал к ней после вас?

– Врач Светлышев, Виноградов, потом Четыкин и Екатерина Игнатьевна, с которой я так неудачно побеседовал, – сказал я.

Юрий Николаевич раздавил в чашке окурок, весело посмотрел на меня.

– Да уж, – сказал он. – Но не думаю, что эта беседа будет иметь отрицательные последствия. Судя по вашему описанию, Екатерина Игнатьевна – женщина весьма вздорная и чересчур сосредоточенная на своей драгоценной персоне. Ваши незначительные вопросы давно вылетели у нее из головы. Кстати, склоняюсь все же к мысли, что она здесь ни при чем. Женщина вряд ли доверится женщине, поверьте мне. Особенно если обе женщины стервы. А кто, говоришь, еще там был? – Юрий Николаевич наморщил лоб, пытаюсь вспомнить фамилии.

– Светлышев, Виноградов и Четыкин, – повторил я.

– Расскажи-ка мне о каждом из них, – с интересом попросил Чехов.

– Лешку Виноградова я знаю года два, – начал я. – И мне этот парень нравится. Во всяком случае, нравился до сегодняшнего дня...

– Ну, подождите, – успокаивающе сказал Чехов. – Может быть, вы абсолютно не зря придерживались такого мнения.

Я пожал плечами и продолжил:

– Он, конечно, парень честолюбивый, амбициозный и, я бы даже сказал, циничный. Тем не менее он нежадный, общительный, поможет, если попросишь... Чувство юмора у него хорошее.

– А как у него обстоят дела со средствами?

Я вздохнул.

– К сожалению, широта натуры – одна из его сторон. Лешка тратит деньги не задумываясь, а потом мучается, где их взять. Занимает, перезанимает, у меня несколько раз одалживал. Тем не менее, когда они у него есть, охотно сам даст в долг.

– А женщины? Я это к тому, – пояснил Чехов, – что его могла толкнуть на преступление какая-нибудь пассия.

– Вряд ли, – покачал я головой. – Женщин Лешка меняет с легкостью, и я не замечал, чтобы он хоть к одной из них относился настолько серьезно, чтобы пойти на такое. Нет, если это и он, то причины, толкнувшие его на убийство, совсем другие.

Сказав это, я задумался. Расписывая сейчас положительные стороны Лешки Виноградова, я почти уверился в том, что он не может быть убийцей. Но, понимая, что мной движут эмоции, я включил холодный разум и сразу же сказал себе, что никого не стоит раньше времени выбрасывать из списка подозреваемых по личным симпатиям.

– Дальше, дальше, – нетерпеливо прервал мои размышления Юрий Николаевич, и я снова начал говорить:

– Как о враче о Лешке могу сказать только хорошее. Ему бы усидчивости – диссертацию мог бы написать, с его-то данными. Интеллект у парня очень высокий.

– Так, а следующие двое?

– Четыкина я знаю недавно, – задумчиво протянул я. – И, честно говоря, мне он не нравится.

– Почему? – сразу же спросил Чехов.

– На мой вкус, человек он неважный, – ответил я. – Эгоист, педант, интроверт... Да и вообще физиономия у него противная...

– О! – воскликнул Чехов, поднимая вверх палец. – Вы нарисовали типичный портрет убийцы.

– Не знаю, – признался я. – Я понимаю, что могу утрировать, опять же руководствуясь субъективкой, но я говорю честно. Не лежит у меня к нему душа. Какой-то он вечно недовольный, брюзгливый, завистливый... Вы уж извините, Юрий Николаевич, что я всем своим рассказам придаю эмоциональную окраску, просто мне так легче описывать человека.

– Я понимаю, – кивнул Чехов. – Но постарайтесь вспомнить, не замечали ли вы чего-нибудь конкретного за Четыкиным? Вот вы говорите, что он завистлив. А в чем это выражается?

– Он всегда недоволен, если кто-то добивается больших успехов, чем он. Или приобретает что-то, чего он не может себе позволить. Да порой доходит до смешного – Лешка Виноградов как-то утром после дежурства достает из холодильника свой пакет апельсинового сока, так Четыкин его таким осуждающим взглядом окинул! А потом еще и лекцию прочитал: дескать, молодой человек, вот вы плачетесь, где бы денег занять, а сами совершаете непозволительную роскошь... Конечно, это еще не факт, – признал я. – Но как человек Роман Ильич малосимпатичен.

– А как врач? – спросил Чехов.

– Не слышал ничего такого, чтобы можно было заподозрить его в непрофессионализме, – задумчиво протянул я. – Да и вообще врачи нашей клиники отличаются высоким профессиональным уровнем.

Юрий Николаевич явно хотел бы поспорить со мной на эту тему, но сейчас времени на это не было, поэтому он, с сожалением погасив свое желание, сказал:

– Итак, у нас остается последний подозреваемый – как вы сказали, Светлышев?

– Да, – подтвердил я. – Светлышев Вениамин Павлович. Из всей компании, пожалуй, самый заурядный человек. Спокойный, немногословный. Правда, затюканный семейными проблемами. У него взрослые дети, внуки, жена... Все требуют расходов. Еще там у него жилищные проблемы, по-моему. Словом, вполне типичная картина. Но есть один момент...

Юрий Николаевич с любопытством посмотрел на меня.

– Я точно не знаю, – признался я, – но ходят слухи, что Светлышев посещает какой-то подозрительный клуб здоровья, которым руководит не менее подозрительный гуру. Чем они там занимаются на своих занятиях, я, конечно, не знаю, хотя версии по клинике гуляют самые невероятные. В основном судачат женщины, им это интересно. Конечно, девяносто процентов того, что они говорят, можно считать полным бредом, но ведь дыма без огня не бывает. Я слышал, что Светлышев со своими одноклубниками по выходным уезжают в загородные дома отдыха. А ведь на это тоже нужны средства. Ведь наверняка первое, что толкнуло нашего врача-убийцу на преступление, – это деньги?

– Вероятнее всего, – согласно кивнул Юрий Николаевич. – И все же другие версии отмечать тоже не стоит. Я бы вот что вам посоветовал – последите за каждым из них, попробуйте что-то разузнать. Только не спрашивайте в лоб – ты убил? Ни один из них все равно вам ничего не скажет. Попробуйте сблизиться с ними, поспрашивайте знакомых. Может быть, кто-то вдруг начал сорить деньгами, посещать рестораны, понимаете...

– Хорошо, – кивнул я. – Я попробую.

– И с кого вы решили начать?

– Пожалуй, с Четыкина, – подумав, сказал я.

– Я и не ожидал другого, – усмехнулся Чехов. – Вы уже почти уверились, что это он, и теперь постараетесь себя в этом убедить. С точки зрения эмоционального человека, это понятно.

– А что вы мне посоветуете? – сразу же потух я.

– Да это ваше дело, – пожал плечами Чехов. – Попробуйте использовать свою интуицию, а там посмотрим, что получится.

– Но послушайте, – сообразил вдруг я. – Ведь Четыкин был у Зелепукина недели за две до смерти! Он не может быть подозреваемым!

– А я думаю, может, – заявил Чехов. – Он, как и вы, столкнулся с проблемой первый раз в жизни. Предложение, как вы выразились, было действительно необычным. Я думаю, он просто размышлял и пришел в конце концов к выводу, что надо это предложение принять. Тогда он поехал на Котельническую набережную частным порядком и сделал свое дело. Кстати, можно показать фотографии всех троих лифтеру. У этой публики взгляд наметан – они вполне могли его запомнить... А лучше всего, – добавил он самым доброжелательным тоном, – бросьте вы все-таки это дело, а? Не ваше оно!

– В каком-то смысле не мое, – возразил я. – Вы этого не можете отрицать. Но попробую разобраться. Не возражаете, если обращусь к вам за консультацией?

– Буду рад! – загорелся Чехов. – Жду вас в любой день. Адрес мой у вас имеется. Телефон тоже. Всегда к вашим услугам. Я ведь, знаете, почти всегда дома... Огородами не увлекаюсь, компаний не люблю... Кстати, угощу вас столь ненавистными вам грибами... Вы сами-то как – в отношении запотевшей бутылочки?

– Весьма умеренно, – признался я. – Но из уважения к вам... Кстати, где же вы берете грибы, если предпочитаете не выходить из дома?

– На рынке, Владимир Сергеевич, на рынке! Человек я сугубо городской, урбанистический, в лесах теряюсь... Но на рынке действую безошибочно, не сомневайтесь!

– Только договоримся, – сурово потребовал я, – что без меня вы соблюдаете строжайшую диету! Подержите себя хотя бы немного в форме. Расслабитесь, когда я загляну к вам в гости.

– Надеюсь, вы не будете злоупотреблять моим терпением, – проворчал Чехов.

– Аналогично, – ответил я, поднимаясь и направляясь к выходу.

– Еще один совет, – окликнул меня Чехов. – Не рассказывайте каждому встречному и поперечному, что ищите убийцу. Держите язык за зубами. Иначе или спугнете, или попадете впросак.

– Учту, – сказал я. – Учту непременно.

Юрий Николаевич кивнул мне и, по-хозяйски развалившись на кровати, уже без стеснения выщелкнул из пачки очередную сигарету. Я промолчал.

* * *

В равномерный шелест дождя за окном ворвался негромкий, но настойчивый треск электронного будильника. Четыкин на ощупь нашел на полу пластмассовую коробку, нажал на кнопку и только потом открыл глаза. Во времена его детства будильники были громоздкими механическими конструкциями, и звон они издавали беспощадный, как пожарный колокол. По этому душераздирающему сигналу Роман Ильич покидал теплую постель и блаженный мир сновидений. Мир вокруг был холоден и сер – и страшнее этой минуты в детстве не было ничего. С тех далеких времен техника переменилась кардинально – легкими и бесшумными стали часы, и звук будильника сделался негромким и щадящим. Но и этот щадящий звук был омерзителен, потому что звучал он по-прежнему тогда, когда мир вокруг был холоден и сер.

Однако сегодня он был в квартире один. Это немного скрасило мокрый пейзаж за окном. Роман Ильич свободно и вяло прошлепал в ванную, умылся холодной водой, глядя в зеркало равнодушно и невнимательно, аккуратно почистил зубы и расчесал редкие волосы.

Следующим этапом была кухня. Поставив на газ эмалированный чайник, Роман Ильич достал из холодильника два яйца и пакет молока. Взбивая в чашке смесь для омлета, он неодобрительно поглядывал на кухонный стол соседки, который украшала пустая винная бутылка и россыпь фантиков от шоколадных конфет. Этот натюрморт стоял уже неделю и оскорблял

взор Четыкина неимоверно, но выносить мусор за легкомысленной соседкой он не собирался из принципа.

Зажарив омлет, Роман Ильич бросил в большую фарфоровую кружку две чайные ложки кофе «Пеле», залил кипятком и добавил молока. С экрана телевизора настоящий Пеле утверждал, что одноименный с ним кофе относится к категории лучших. Роман Ильич придерживался иного мнения и невольно пришел к убеждению, что легендарный футболист такой же пройдоха, как и все вокруг, ничем не лучше.

Он съел омлет, запивая его теплым кофе и прислушиваясь к шуму падающих дождевых капель. По шуму выходило, что Романа Ильича ожидает прогулка под барабнящим зонтом, мокрые тротуары, брызги от проезжающих автомобилей, вагоны метро, набитые промокшим людом, и прочие досадные мелочи, которые травмировали его чувствительную натуру.

Позавтракав, он включил радио, надеясь услышать прогноз погоды, но по ушам резанул дурашливый, неестественно бодрый голос, зазывно предлагающий квартиры в строящихся домах – элитные, но дешевые. Роман Ильич терпеть не мог рекламы, и рука сама уже потянулась к ручке выключателя, но любопытство все же пересилило, и он дослушал сообщение до конца. Стоимость квадратного метра от трехсот девяноста долларов. Он прикинул, сколько будет стоить пятьдесят метров. Испытав легкое разочарование, Четыкин выключил радио и быстро вымыл за собой посуду. Если бы судьба подкинула ему еще хотя бы десять кусков! Он бы перебрался из этой опостылевшей норы куда-нибудь в зеленый район, в квартиру с зимним садом и кабинетом где-нибудь на двадцатом этаже, чтобы по утрам в одиночестве любоваться с балкона панорамой просыпающейся Москвы!

Роман Ильич убрал посуду в шкафчик и насухо вытер стол. Ларискин свинарник был удостоен еще одного презрительного взгляда, и Четыкин вернулся в свою комнату. Облачившись в поношенный серый костюм и повязав такой же невзрачный галстук, Роман Ильич критически посмотрел на себя в зеркало. Борода росла у него плохо, и поэтому бриться он мог себе позволить через день. Роман Ильич считал это большой удачей.

Взяв с собой старенький «дипломат» и большой черный зонт, Четыкин покинул квартиру и отправился на работу. Сегодня он дежурил с утра до вечера. Дневные дежурства он любил больше, потому что предпочитал ночью спать, а не мотаться по городу в санитарной машине.

На улице все было именно так, как он и ожидал, – пляшущие по асфальту капли, грязные фонтаны брызг из-под мчащихся лимузинов, торопливые пассажиры, размахивающие мокрыми зонтиками, – он стойчески вынес все, выскочил на Тверской, пробежал по подземному переходу, поднялся на поверхность и, только свернув с Тверской в тихий переулок, перевел дух. Башмаки его намокли, по куполу зонта продолжал хлестать дождь, но зато он был опять один, и никто не тревожил его ни физически, ни душевно.

Торопясь побыстрее попасть под крышу, Роман Ильич шел, опустив голову и не глядя по сторонам. Мокрый асфальт сделался похожим на черное шербоатое стекло – все отражалось в нем, но отражалось забавно и уродливо – от фигур, от деревьев, от машин оставался только какой-то пестрый штрих, зигзаг, абстрактный символ. От нечего делать Роман Ильич увлекся разглядыванием этих символов. Закрывая зонт, он вбежал в будку, где сидели охранники и, торопливо предъявив пропуск, помчался дальше по дорожке, ведущей к больничному корпусу.

* * *

Алексей Виноградов, отдежулив, вернулся домой утром. Он собирался сразу же лечь спать, но, проворочавшись с полчаса в постели, понял, что уснуть ему не удастся.

Алексей поднялся с постели и прошел в кухню. Там он открыл последнюю упаковку апельсинового сока, наполнил стакан и с удовольствием принялся пить любимый напиток. Потом отвернулся к окну и задумался.

Собственно, думы в последнее время одолевали его постоянно и касались только одной темы – материальной. Алексей сосредоточенно смотрел в окно, покусывая губы. Он понимал, что нужно срочно искать дополнительный заработок, иначе он просто не сможет существовать дальше.

Вчера к Алексею приезжала мать и, заглянув в холодильник, ужаснулась тому, что сыну нечего есть. Она прочитала ему длинную лекцию на тему правильного питания и здорового образа жизни. Здорового образа жизни Леша и сам старался придерживаться – отсюда и утренние пробежки, и холодный душ, и полнейший отказ от никотина и алкоголя. К тому же он был врач и все прекрасно понимал сам.

Обычно он терпел нудные материнские нотации, лишь молча кивая в ответ. Вчера же, внезапно разозлившись, вспылил и обошелся с матерью довольно грубо. Та ушла обиженная и наверняка вечером долго жаловалась отцу. Визит отца в воспитательных целях Алексею был совершенно не нужен, и он решил сегодня сам съездить к родителям, купить матери цветов и коробку конфет, чтобы исчерпать инцидент.

Однако денег на покупку ни того, ни другого не было. Алексей злился на собственную несдержанность, бродя по кухне со стаканом сока в руках.

«И что на меня вчера напало? – думал он. – Как с цепи сорвался. Теперь вот деньги нужно где-то брать, вину заглаживать».

Тут он вспомнил о своем бывшем сокурснике Юрке Соловьеве. Соловьев был редкостным шалопаем. В свое время он дружил с Алексеем, потом бросил институт после третьего курса, и дороги их разошлись. Поначалу они еще регулярно встречались, потом встречи становились все более редкими и наконец прекратились совсем. Теперь они виделись только случайно.

Как раз недавно и случилась такая встреча. Виноградов спешил с работы домой, когда его чуть не сбил черный джип. Алексей хотел было уже открыть рот, чтобы высказать свое возмущение, невзирая на то, что в подобных машинах зачастую ездят люди, с которыми не стоит портить отношения. Но тут дверь джипа распахнулась, и из него вывалился здоровый, коротко стриженный парень в шортах и белой футболке и радостно заорал:

– Леха! Здорово, Леха!

– Юрка? – с изумлением узнал Алексей в этом растолстевшем, сытом амбале тощего и вечно голодного Юрку.

– Признал! – удовлетворенно заключил Соловьев, сжимая Виноградова своими здоровенными ручищами.

Через некоторое время они сидели в ресторане, Соловьев не скупясь угощал Алексея всем, чем можно, и рассказывал о своей теперешней жизни. По его словам, три года назад он стал заниматься бизнесом, дела пошли более чем хорошо, и вот теперь Юрий Валентинович Соловьев, честный бизнесмен, являлся обладателем шикарной трехкомнатной квартиры на Садовом кольце, этого самого джипа, а также загородного дома в Переделкине, который он купил у спившегося писателя, бывшего светила социалистического реализма.

– А ты как? – пережевывая кусок бифштекса, поинтересовался Юрка.

Виноградов вздохнул и безрадостно начал рассказывать о своей жизни и работе.

– Да ты что, старик? – искренне удивился Юрка. – За такие бабки сутками пахать?

– А что еще делать? – развел руками Виноградов.

– Слушай, старик! – хлопая Алексея по плечу, наклонился к нему Соловьев и, понизив голос, продолжил: – А пошли ко мне работать.

– К тебе? – удивился Виноградов. – А что мне у тебя-то делать? Я же врач, больше ничего делать не умею.

– Вот именно, что врач, – согласился Юрка.

И он, еще ниже наклоняясь к Виноградову, поведал, что работа, конечно, специфическая, но все-таки не самая страшная и, в общем-то, к ее изъяснам можно привыкнуть, а уж оплата с лихвой компенсирует моральные издержки. Ну и все в таком духе.

Виноградов тогда отказался от сомнительного предложения бывшего сокурсника, хотя тот сулил большие деньги за услуги. Юрка, однако, посоветовал ему подумать и оставил свою визитку с просьбой позвонить, если Виноградов все-таки решится.

И вот теперь такой момент настал. Алексей поднялся и, отставив стакан, прошел в комнату и полез в письменный стол. Долго искать визитку, данную Соловьевым, не пришлось – Алексей, будучи педантом, все вещи хранил на своих местах. Поэтому он достал из аккуратно сложенной стопочки среднего ящика черный блокнот, раскрыл его и вытащил из-за края обложки визитку с телефоном Соловьева.

Подойдя к телефону, Алексей набрал номер своего сокурсника и, услышав его голос, произнес:

– Юра? Это Алексей. Я звоню сказать, что я согласен.

* * *

– По-моему, это он, – сказал крупный, щеголевато одетый мужчина с завидной шевелюрой, сидевший на месте водителя темно-зеленого «Опеля». – На фотографии он мне нравится больше. А в жизни похож на мокрую мышь.

Он небрежным жестом бросил снимок на колени своего соседа.

Тот подобрал фотографию и мельком взглянул на нее.

– Точно он! Вылитый. Не понимаю, почему он тебе не нравится? Такая милая мордашка.

– Он мне не нравится, – упрямо повторил водитель.

– Тебе с ним что – детей крестить? Какая разница: нравится – не нравится?

– Не нравится, и все! Не удивлюсь, если он окажется «голубым». Они тут все «голубые», наверное, – мстительно сказал водитель.

– А кто еще «голубой»? – удивился сосед.

– Как кто? Артур, конечно!

– С чего ты это взял?

– Видел бы ты, как он первое время на меня смотрел! Облизывался, как баба! Я их за версту чую! Но я ему сразу дал понять, чтобы держался от меня подальше! – На сытом самодовольном лице водителя появилось выражение брезгливого превосходства.

– Что-то я ничего такого не заметил, Лелик! – недоверчиво протянул второй. – По-моему, мужик как мужик. На меня он, во всяком случае, обыкновенно смотрел.

– А чего на тебя смотреть: башка плешивая и нос картошкой – вот и все твои прелести. Гомики, знаешь, на красивых мужиков западают, как и бабы...

Пассажир, которого звали Гогой, скептически покосился на водителя.

– Это ты, что ли, красавец? – спросил он язвительно.

– А ты сомневаешься? – усмехнувшись, ответил тот. – Между прочим, на меня даже хозяйка глаз положила, так-то вот!..

– Брось трепаться! – зло сказал Гога. – Хозяйка с генералами трахается. Нужен ей такой потасканный кот, как ты!

– Это кто потасканный кот? – с угрозой в голосе спросил Лелик, разворачиваясь лицом к соседу. – Придержи язык, а то я тебе его живо вырву!

На Гогу это заявление не произвело должного впечатления.

– Ты насчет своего языка подстрахуйся, – негромко посоветовал он. – Если до хозяйки твой базар дойдет – тебе не язык, яйца оторвут!

– Я не понял, – моментально струхнув, пробормотал Лелик. – Это кто же ей стукнет? Ты, что ли? Ты что – шуток не сечешь?

– Я не стукну, – сказал Гога, отворачиваясь. – Другой стукнет. Язык у тебя как помело. Наживешь ты с ним беды.

– Да ладно! – обиженно отозвался Лелик, оскорбленный в своих лучших чувствах. – Чего я такое сказал? Ты сам меня спросил...

– Ну все, проехали! – оборвал его Гога. – Делом пора заниматься.

Он достал из кармана мобильный телефон и набрал номер. Ответа пришлось ждать довольно долго. Наконец в трубке послышался мужской голос. Гога сказал одно слово: «Артур» – и далее превратился в слух. Наконец он убрал трубку от уха и задумчиво посмотрел на Лелика.

– Артур говорит, у них сейчас задействовано семь машин. Наш третий на очереди. Значит, две машины отслеживаем и сразу делаем вызов.

Лелик с недовольным видом погладил пышные каштановые бакенбарды.

– Замучаешься ждать! – сказал он раздраженно. – Может, два вызова ложные организуем? Чтобы побыстрее?

Гога отрицательно покачал головой:

– Нет. Пусть все идет своим путем, не будем привлекать внимания.

– Да какого черта! – разозлился Лелик. – Надо было его на квартире брать. Просто и надежно.

– Как бы не так, – возразил Гога. – Вдруг его соседка услышит шум. Зачем нам свидетели?

– А теперь с ним в машине свидетели, – напомнил Лелик. – Он же не один выезжает...

– Это уже не наша работа, – сказал Гога. – Нам главное – вызов обеспечить.

Ждать пришлось долго. Периодически из железных решетчатых ворот клиники выезжали машины – здесь были и легковушки, и фургоны с красным крестом, но «Скорая» не показывалась. Видимо, вызовы не поступали. Уже прекратился дождь, и через разрывы в тучах сияло жаркое июльское солнце. Тротуары на глазах подсыхали. Воздух делался душным и влажным.

– Что, в Москве уже перестали болеть? – раздраженно пробурчал Лелик, опуская боковое стекло. – Сколько мы будем здесь торчать?

На лбу у него выступили бисеринки пота. Костюм из плотной ткани, в который он был одет, оказался тяжеловат для такой погоды. Гога не ответил. Откинувшись на спинку кресла, он безучастно наблюдал за воротами. Ни долгое ожидание, ни жара, казалось, не действовали на него.

Наконец около десяти часов утра друг за другом выехали две машины «Скорой помощи». Гога встрепенулся и выхватил из кармана телефонную трубку. Торопливо набрав номер клиники, он встревоженно проговорил:

– Это «Скорая»? Запишите вызов. Улица Маленковская, четыре. Это Сокольники. Что? Да, конечно, мы все оплатим... Что случилось? Сильные боли в сердце...

Он продиктовал паспортные данные и вежливо попросил поторопиться. Закончив разговор, он снова набрал номер и, понизив голос, сообщил:

– Готовьтесь. Он сейчас выезжает. Мы на месте.

Едва он успел сложить телефон, на дорожке больничного двора появилась машина «Скорой помощи». Предостерегающе библикнув, она подкатила к воротам, которые немедленно распахнулись, и выехала на улицу.

– Он в машине? – озабоченно таращась в окошко, спросил Гога.

– Да, он, он! – ворчливо ответил Лелик, с большим облегчением хватаясь за рычаги и заводя мотор. – Его я за версту узнаю!

«Опель» развернулся и устремился в погоню за «Скорой».

Дежурный врач этого не заметил. Сидя в кабине фургона, он безразлично таращился в окно, но ничто не отпечатывалось в его памяти – ни Бульварное кольцо, ни площадь трех вокзалов, ни Краснопрудная улица, – поездки по городу давно стали для него рутиной, и он не получал удовольствия от московских пейзажей.

Не думал и о больном, к которому ехал, это тоже была рутина – неприятная, неизбежная, но привычная. Он научился не тратить нервные клетки сверх необходимости. Размышлял он об элитной квартире. Он грезил о ней, как паломник грезит о земле обетованной. Изолированное, комфортабельное убежище – это было именно то, в чем доктор нуждался больше всего. Нечто такое, что имеет непреходящую ценность.

Разные варианты приходили ему в голову относительно того, где раздобыть недостающую сумму. Но все варианты грешили одним серьезным недостатком – они были неисполнимы. Однако перебирать их было увлекательно, хотя и болезненно.

Врач не заметил, как приехали на место. Очнувшись, он поглядел по сторонам и выбрался из машины. Следом за ним из салона попрыгали санитары – третьекурсники медицинского института.

– Берите носилки сразу! – распорядился он. – У больного боли в груди – возможен инфаркт. Поэтому сразу захватите кислород и кардиограф... И пошевеливайтесь!

С тротуара шагнула навстречу девушка в скромном сером костюмчике. Волнуясь и ломая пальцы, она попросила доктора отойти немного в сторону. Он, неприступно хмурясь, отошел с девушкой на два шага и вопросительно посмотрел на нее.

– Не надо носилок, – умоляюще сказала она. – Ничего не надо! Дело в том... – Она оглянулась и тихо, почти на ухо сказала врачу: – Дело в том, что больной умер... Перед вашим приездом...

– Так! – сердито сказал он. – Вы хотите, чтобы мы – что? Уехали? Что? Все равно вы должны заплатить! Вы понимаете это? Кто вы – дочь?

Девушка посмотрела в сердитое лицо доктора спокойными глазами и так же тихо продолжила:

– Давайте зайдём в квартиру, я вам все объясню... Кстати, вы констатируете смерть?

– Хорошо, я найду! – сурово сказал он. – Вы уверены, что больному не требуется помощь?

– На сто процентов, – ответила девушка и уже новым, довольно властным тоном распорядилась: – Идите за мной!

Доктор с неудовольствием направился за ней, жестом приказав санитарам оставаться на месте. Молодые люди переглянулись и полезли в карманы за сигаретами.

Врач поднялся за девушкой по чистой вымытой лестнице на четвертый этаж, остановился перед дверью в квартиру, на которой тускло поблескивала бронзовая табличка с надписью «Саврасов А.И.», и вытер ноги о резиновый коврик. Девушка распахнула дверь и выжидательно посмотрела на доктора.

Он шагнул в квартиру, в последний момент заметив боковым зрением, что по лестнице неторопливо поднимаются двое мужчин. Но он тут же забыл о них и коротко кивнул вышедшему в прихожую молодому человеку, аккуратно постриженному, в чистой белой рубашке, поверх которой перекрещивались широкие подтяжки.

Молодой человек поздоровался и пригласил его в комнату.

– Где больной? – спросил врач, решительно шагая вслед за молодым человеком.

Квартира показалась ему ухоженной и уютной. Однако ничто не указывало на то, что здесь проживают молодые. И фотографии на стене, и обстановка, и набор книг в шкафу, и допотопные светильники – все будто застыло в прошедшем времени и принадлежало давно ушедшей эпохе.

Он проскочил зал, где его особенно поразило отсутствие такой неременной детали современного жилища, как телевизор, и, не особо церемонясь, ввалился в спальню.

На узкой кровати на чистых простынях лежал седой худощавый человек, одетый в пижаму. Руки поверх одеяла, и левая рука даже издали казалась усохшей и неестественно вывернутой. Некоторая асимметричность наблюдалась и в морщинистом строгом лице. Несомненно, он был парализован, но он был жив!

– Что за шутки! – угрожающе сказал доктор и обернулся, надеясь увидеть девушку, которая с такой легкостью сообщила ему о смерти больного.

Вместо этого он увидел упитанное и внимательное лицо молодого человека, который пристально наблюдал за каждым его движением. Молодой человек тут же деликатно взял его под локоть и предупредительно сказал:

– Теперь я попрошу вас пройти с нами на кухню! Там я вам все объясню...

– Извольте объясниться здесь! – с гонором сказал врач и попытался вырвать локоть.

Это ему не удалось. Пожатие руки молодого человека оказалось неожиданно крепким. Ему без труда удалось сдвинуть опешившего доктора с места и буквально дотащить до кухни. Врач попытался возвысить голос, но его провожатый с такой силой сжал пальцы, что крик застрял в горле.

На кухне его силой усадили на стул и только тогда отпустили. Морщась, он потер онемевший локоть и исподлобья оглянулся по сторонам. Кухня оказалась довольно просторной, кухонный гарнитур был почти новый, принадлежащий уже нашему времени, сверкающий стерильной белизной. По другую сторону стола по-хозяйски расположился молодой человек в подтяжках. Он деловито засучил рукава, достал откуда-то из-под стола небольшой магнитофон, пощелкал кнопками и поставил аппарат перед доктором. Тот взглянул на магнитофон непонимающим и враждебным взглядом. Молодой человек усмехнулся и покосился через плечо.

В кухню неслышным шагом вошла девушка и остановилась на пороге.

– Ступай к Александру Ивановичу, Леди! – распорядился молодой человек. – Не нужно, чтобы он волновался. А мужикам скажи, чтобы зашли, пусть попридут...

Девушка со странным прозвищем кивнула и скрылась. До доктора донесся ее приглушенный голос, и через минуту на кухне появились двое мужчин. Один – вальяжный и высокорослый, с густой вьющейся шевелюрой и бакенбардами на полных щеках – сразу уселся на стул и полез в холодильник за пивом.

– Кому открыть баночку? – пробурчал он, гремя чем-то стеклянным.

– Давай! – подумав, сказал второй, у которого был нос картошкой и высокие залысины. – Пересохло все.

Молодой человек отрицательно мотнул головой и устремил свой взгляд на врача. Глаза у него были светло-серые, отличающиеся какой-то особенной пустотой. Кроме нее, в этих глазах трудно было что-то представить – огорчение, радость или еще какие-то посторонние чувства. Доктор знал, что у него самого невыразительные глаза, но также и знал, что сейчас в этих глазах плещется хорошо читаемый страх. А вот что означает взгляд молодого человека, догадаться было невозможно, и от этого делалось еще страшнее.

– Времени у нас мало, – объявил молодой человек. – Поэтому приступим сразу к делу. Меня зовут Кузьма. Мы про вас все знаем. Одни мои знакомые по большому секрету сообщили, что вы выполняете деликатные поручения за деньги. Да-да, я имею в виду, что вы отправили на тот свет двух человек. Не зыркайте на меня глазами! Спорить некогда! У меня к вам деловое предложение... С этой минуты вы работаете на нас. Мы будем указывать вам, кого надо убрать, а вы будете отвечать уже за исполнение. Мы будем вам хорошо платить. Отказываться не советую. Нам не с руки заниматься мокрухой самим, особенно в таких мелких масштабах, но из вас-то мы душу вытрясем, не сомневайтесь. Ну, что решили? Только быстро!

Врач «Скорой помощи» с трудом приходил в себя. Слова молодого человека привели его в полное смятение. Его будто поставили у края бездонной пропасти, откуда несло холодом и смрадом, и земля уже начинала крошиться и скользить под его подошвами.

– Вы что-то путаете, – попытался он сопротивляться. – Я врач, помогаю людям... А то, что вы говорите...

Молодой человек сделал знак рукой. Плешивый мужчина быстро поставил на холодильник пивную банку, шагнул к столу и с силой ударил его в печень. Доктор охнул и с грохотом рухнул на пол. Дыхание у него перехватило, свет померк перед глазами.

– Куда так лупишь? – недовольно сказал молодой человек. – Подохнет заморыш, что тогда? Поднимите его.

Его подняли, посадили на стул, побрызгали в лицо водой. Постепенно мир стал проясняться, и врачу удалось наконец втянуть в себя глоток живительного воздуха.

– Очухались? – озабоченно поинтересовался Кузьма. – Тогда продолжим. Сейчас вас просто ударили, а завтра...

Доктору хотелось заплакать от боли и унижения. Он понимал, что ловушка захлопнулась и пути обратного не будет. Он попытался убедить себя, что проигрывать тоже нужно уметь. В конце концов, нет худа без добра, и зимний сад на двадцатом этаже начинал принимать определенно реальные черты.

– Хорошо. Не надо этих эксцессов, – с усилием сказал он. – Я готов сотрудничать. Но сначала договоримся о плате. – Он настороженно посмотрел Кузьме в глаза. – И потом, если нам предстоит обширная работа... Я хотел бы знать все подробности!

По лицу молодого человека невозможно было ничего понять. Он сморщился, точно от табачного дыма, и с недовольством процедил:

– Ну-у... Я не знаю! Зачем вам это?.. Да в принципе ради бога! В Москве есть много одиноких людей, которые живут в отдельных квартирах, хотя, правильнее сказать, не живут, а мучаются. Наша фирма скрашивает им последние дни... Не бесплатно, разумеется. Мы работаем с теми, кто завещает нам квартиры. Юридически все оформлено безукоризненно. Но, сами посудите, какой нам прок от этой сделки, если хозяин квартиры собирается прожить еще пять, десять лет, ну, пускай даже год! Мы же несем огромные расходы!.. Да и штаты наши не позволяют охватить всех полноценной помощью... Понимаете теперь?

– Так на какое вознаграждение я могу рассчитывать? – повторил врач. Говорить ему было все еще трудно – перехватывало дыхание.

– Вознаграждение вполне удовлетворительное, – заверил Кузьма. – С каждой операции будете получать тысячу баксов.

– Что?! – У доктора округлились глаза. – Я должен убить человека за какую-то паршивую тысячу баксов?

Кузьма уставился на него непонимающе и неприязненным взглядом.

– А на что вы, собственно, рассчитываете? – холодно спросил он. – Таковы расценки. Мне непонятны ваши претензии. Больше вам никто за такую работу не заплатит.

Как доктору ни было страшно, но такого разочарования он не вытерпел.

– Мне платили значительно больше! – огрызнулся он.

– Не знаю, чего вам там платили. Это ваше частное дело. А сейчас вы работаете на фирму! Еще вопросы есть? Нас еще ждет работа, не забывайте.

Врача бросило в жар. Почему-то сейчас, при свете дня, лишать человека жизни показалось ему особенно кощунственным и циничным. Но физиономии окружавших его мужчин не сулили ничего хорошего. Они ждали от него действий. Вытирая лицо ладонью, он обессиленным взглядом уставился на Кузьму.

Тот воспринял его молчание как знак согласия и сказал с подъемом:

– Итак, сейчас займетесь Александром Ивановичем. Он после инсульта, но у него и сердечко барахлит... Вопросов, короче, возникнуть не должно. Для начала я дам вам один препарат... Вещь сильная, используется спецслужбами. После его введения человек умирает, как от сердечного приступа, а следов никаких не остается. Но впоследствии вы сами должны решать

вопрос лекарств. Мы будем давать вам информацию, а вы сами решаете, что лучше применить... Все-таки вы специалист, верно?

Доктор безмолвствовал. Теперь ему хотелось, чтобы все побыстрее кончилось. Кузьма выключил магнитофон и встал. Поднялись на ноги и оба его помощника. Врачу ничего не оставалось, кроме как последовать их примеру. Сидя, он чувствовал себя в этот момент особенно беспомощным и ничтожным.

Кузьма предложил ему выйти из кухни первым. Врач подчинился и пошел – как-то странно, боком, отставив в сторону локоть, словно прикрывая печень от нового удара. Плешивый и кудрявый пристроились у него за спиной, едва не дыша в затылок. В спальне их ожидала Леди, которая, присев на край кровати, что-то говорила беспомощному старику успокоительным, профессионально-ласковым голосом. Увидев мужчин, она поспешно встала и отошла куда-то в угол комнаты.

Кузьма подвел доктора к столу, на котором были разложены шприцы и медикаменты, указал пальцем на ампулу с черным ободком.

– Вот этот препарат, – сказал он. – Приступайте.

Доктор механически взял ампулу в руки, постучал ногтем по стеклянной стенке. Надорвал обертку шприца. В этот момент где-то совсем рядом послышалось еле различимое жужжание. Он поднял голову и с недоумением уставился на девушку, которая, незаметно приблизившись, снимала его видеокамерой.

– Зачем это? – тревожно воскликнул он, тыча пальцем в красный огонек видеокамеры.

– Чтобы вы не выкинули впоследствии никаких финтов, – объяснил как ни в чем не бывало Кузьма. – Эта пленка и магнитофонная запись пойдут в наш архив.

Доктор понял, что пропал. Куда бы он теперь ни пошел, в какой бы норе ни спрятался, его гибель будет таиться в архиве и ждать своего часа. А всему виной вульгарная обывательская жадность. «Размечтался об элитной квартире! Будет тебе теперь квартира – с решетками на окнах», – подумал он.

Но руки его в этот момент автоматически продолжали заниматься своим делом – надламывали ампулу, налаживали шприц, закатывали старику рукав, накладывали жгут. На врача вдруг нахлынуло тупое, равнодушное оцепенение. Падение его закончилось, он достиг дна, и больше не надо было ни о чем беспокоиться. Если забыть о жужжащей чудо-технике с хищным багровым глазком.

А юная Леди с аккуратностью, сделавшей бы честь самому доктору, продолжала фиксировать на пленку каждое его движение, ничуть, кажется, не смущаясь зловещими обстоятельствами, сопутствующими этой съемке.

При этом сама жертва оказывалась как бы полностью исключенной из происходящего действия. Никто не обращал на старика внимания, и даже врач полностью сосредоточился лишь на его сморщенной бледной руке, неспособной даже сопротивляться. Впрочем, старик едва ли понимал, что его ждет. До самого последнего момента лицо его сохраняло строгое и немного глуповатое выражение из-за паралича, перекосившего мышцы.

Он умер сразу – едва первые капли препарата проникли в кровь. Тело его едва заметно вздрогнуло и тут же обмякло, превратилось в груды безжизненной плоти.

Врач даже не стал проверять необходимые признаки – он буквально ощутил, как из его шприца в больного вошла смерть.

– Все! – глухо сказал он, оглядываясь на деловитого Кузьму безумным взглядом.

Леди на цыпочках обошла его и сняла крупным планом замершее лицо старика.

– Закончили! – хлопнул в ладоши Кузьма, точно заправский режиссер. – Теперь, уважаемый, вы нам выпишете врачебное свидетельство о смерти и будете свободны. А нам еще предстоит масса дел – похоронное бюро, нотариус, жилконтора... Давайте не будем терять время.

Пока он выписывал свидетельство, незаметно исчезли плешивый с приятелем. Леди с сумкой через плечо – это был футляр видеокамеры – терпеливо дожидалась, облокотившись о дверной косяк. Она была похожа на журналистку с телевидения, сосредоточенную и строгую.

Кузьма расхаживал за спиной у доктора и монотонным назидательным голосом инструктировал его:

– В дальнейшем будете выезжать к клиенту сами, в нерабочее время. Старайтесь делать это без свидетелей. Связь с вами будем поддерживать через нашего сотрудника, который работает в той же больнице, что и вы. Он будет сообщать вам адреса и время визита. Если у вас будут возникать по ходу дела какие-то вопросы – тоже обращайтесь к нему. Однако старайтесь не афишировать ваших отношений, контакты должны быть минимальными. Инструменты, медикаменты – все ваше. Старайтесь продумывать каждую операцию. Никаких явных следов не должно оставаться. Это в ваших же интересах. Что еще...

Молодой человек резко остановился и уставился на доктора, словно пытался вспомнить что-то важное.

– Гонорар... – хмуро напомнил врач.

Кузьма отмахнулся, словно услышал несусветную глупость.

– Деньги будете получать тоже через нашего сотрудника, – заявил он. – Сегодняшний гонорар получите, я думаю, в ближайшие дни. Никто вас обманывать не собирается.

Лицо у доктора вытянулось. Однако он сумел взять себя в руки.

– Каким образом я найду вашего сотрудника? – с неприязнью спросил он.

– Он вас сам найдет, – сказал Кузьма. – Запомните – он назовет себя Артуром...

* * *

Мы с Мариной бродили по самым глухим уголкам парка, наслаждаясь тишиной и свежестью воскресного дня. Сквозь кроны деревьев на нас лился прозрачный зеленый свет, птички щебетали где-то совсем рядом, упругие стрелы молодой травы покачивались по краям тропинки. Иллюзия покоя и благословенного одиночества.

– У тебя никогда не было такого ощущения, – со вздохом спросила Марина, – что ты родился не в то время?

– Пожалуй, да, – ответил я. – Предпочел бы прожить жизнь в тех исторических пределах, когда не было галопирующей инфляции...

Марина презрительно сжала губы.

– Ты, как всегда, упражняешься в остроумии. Бесчувственный и ограниченный тип, как и все мужчины. А я бы действительно хотела родиться в те далекие времена, когда у людей еще были живы чувства и совесть. Мне бы хотелось быть тургеневской героиней, бродить в одиночестве по тенистым аллеям, грезить о романтическом идеале, плакать в подушку и помогать бедным...

Мне подумалось, что эти мечты, при всей их невинности, трудноосуществимы теперь даже в мелочах. Взять хотя бы тенистые аллеи. В общественных парках они всегда чреватые сюрпризами, и в самые романтические минуты на них вдруг, как черти из коробочки, появляются встрепанные парочки, в волосах которых запутались травинки и прошлогодние листья, или почтенное семейство с выводком вопящих, перемазанных мороженым детей, или компания развинченных рэперов с оглушительным бум-боксом, или смертельно пьяный и безнадежно заблудившийся мужик, чем-то неуловимо похожий на трактор, пробивающийся через целину. Но вслух я сказал:

– Тогда тебе повезло. Ты родилась как раз вовремя. Разве что тебе не нужно бродить в одиночестве и грезить об идеале – он рядом с тобой. Причем вышло так удачно – я как раз бедный, и ты можешь помогать мне хоть двадцать четыре часа в сутки...

Марина осмотрела меня критическим взглядом, в котором прятался едва сдерживаемый смех.

– Увы, – сказала она. – Ты прав только насчет бедности. Да и то, скорее это бедность духа... Ты даже не способен уразуметь моих нравственных исканий...

Я изобразил на лице важность и ответил:

– А вот это уже полнейшее заблуждение. Я, как тебе известно, имею диплом врача, а таковой диплом косвенно свидетельствует, кроме всего прочего, о высокой нравственности его обладателя!

– Многие пытаются прикрыть дипломом ту зияющую пустоту, которая на самом деле царит в их душах, – веско возразила Марина. – А в твоем случае я вообще бы настаивала на экспертизе. У меня есть серьезные основания полагать, что ты свой диплом приобрел на черном рынке.

– Вот они, тургеневские героини! – горько сказал я. – Едва жертва расслабилась – тут же экспертиза, подписка о невыезде...

Марина работала криминалистом. Во времена отчаянного передела собственности на нее было совершено покушение. Она осталась жива, но с практической работой было покончено. Теперь она преподавала в Высшей школе милиции. Поэтому я полагал, что моя шутка не вызовет у нее отрицательной реакции. Однако она посмотрела на меня достаточно скептически и укоризненно покачала головой.

– Нет, – сказала она с грустью. – Я действительно начинаю понимать феминисток и лесбиянок... Мужчина никогда не сможет постичь мир женской души. Мужчина груб и незамысловат, как носорог... Ты со мной согласен?

– Ну, не все, – в тон ей ответил я. – Вот я слышал, что мужчины-гомосексуалисты очень даже могут постичь мир женской души. Тебе не приходилось общаться? Кстати, мне недавно по секрету сообщили, что мой новый заводчиком – «голубой»!

– Кстати, как тебе работается на новом месте? – серьезно спросила Марина, пропуская мою информацию мимо ушей. – Ты ничего мне не рассказываешь...

– Может быть, не будем о грустном? – с улыбкой заметил я.

Марина в притворном ужасе подняла брови.

– Неужели твоим пациентам настолько не повезло?

– Пациентам всегда должно не везти, – назидательно сказал я. – Если им будет везти – врачи могут остаться без работы. Но я не хочу говорить о них сейчас в принципе. Сейчас я хочу говорить о любви.

– Господи! – сказала со вздохом Марина. – Что ты знаешь о любви?!

Я порывисто притянул ее к себе и сжал в объятиях. Тугие темные пряди волос, пахнувших каким-то сладким опьяняющим ароматом, коснулись моего лица. Я нашел губами ее губы, мягкие и горячие, и впился в них долгим сумасшедшим поцелуем. Где-то совсем рядом я увидел огромные, заволакивающиеся дымкой глаза...

И в эту минуту затрещали кусты, послышался сдержанный невнятный мат – и мы отпрянули друг от друга, точно застигнутые врасплох школьники.

На тропинку вышел он – вдребезги пьяный мужик с лицом, напоминающим бульдозер. На волосах его налипла паутина, в углах губ блестела слюна, глаза смотрели безумно и подозрительно. Казалось, он уже давно живет в зарослях и отвык от человеческого общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.